
Мира Володина
Корпоратив
со вкусом мести
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+

Мира Володина

Корпоратив со вкусом мести

https://litres.ru/73603162
SelfPub; 2026

Аннотация

В день своего двадцатидевятилетия Марина Ветрова оказывается на дне. Увольнение, предательство Максима, три года пустых надежд — всё это остаётся в Москве, а она сбегает в Нижний Новгород с котом-философом и красным платьем, купленным для того, кто так и не выбрал её.

Решив, что горевать в одиночестве — плохая стратегия, Марина идёт в клуб. Громко объявляет о своём дне рождения и привлекает внимание мужчины, которого сложно не заметить. Он загадочен, красив, опасен и, кажется, знает о жизни то, что она только начинает понимать. Ночь, проведённая с незнакомцем, оказывается не просто побегом от реальности, а первой за долгое время встречей с самой собой.

Утро приносит не только похмелье и колготки на люстре, но и главный вопрос: что делать, когда судьба даёт шанс, а ты даже не взяла номер телефона? Ироничная, тёплая и немного хулиганскаябcnjhbz о том, как сгоревшие мосты иногда ведут туда, куда нужно.

Содержание

Глава 1. Завтрак, который длился три года 4
Глава 2. Стеклянная стена 36
Глава 3. День рождения без возраста 56
Глава 4. Сделка с дьяволом 90
Конец ознакомительного фрагмента. 97

Мира Володина
Корпоратив со вкусом мести

Глава 1. Завтрак, который длился три года

Пролог. Исповедь кота-философа

Я мог бы начать эту историю с того, что люди – странные существа. Они тратят годы на ожидание того, кто не придёт, верят обещаниям, которые не сбудутся, и покупают красные платья, чтобы соблазнить мужчину, который их не заслуживает.

Но я не буду. Потому что я кот. А коты не тратят время на философию, когда можно поесть, поспать и понаблюдать за людьми с подоконника.

Меня зовут… впрочем, какая разница? У людей есть привычка давать имена всему, что движется, и даже тому, что не движется. Моя хозяйка называет меня Философом. Не пото-

му что я мудр – просто потому что я много молчу и смотрю на неё с укоризной. Этого достаточно, чтобы прослыть интеллектуалом в мире людей.

Я появился у неё три года назад – как раз когда началась эта история. Она нашла меня на улице, мокрого, голодного и совершенно не философского вида. Притащила домой, отмыла, накормила и сказала: «Будешь жить». С тех пор я наблюдаю, сплю и иногда получаю рыбу. Честный обмен.

Кстати, о разговорах. Люди часто спрашивают мою хозяйку: «Вы разговариваете с котом?»

Она отвечает: «Нет, что вы. Я же не сумасшедшая. Я просто с ним советуюсь».

И знаете, это правда. Разговаривать можно с кем угодно – с подругами, с коллегами, с таксистами в дороге. Толку от таких разговоров, как правило, немного. А вот советоваться… советоваться стоит только с теми, кто действительно понимает.

Кот понимает.

Я понимаю, когда она врёт себе. Я понимаю, когда она надеется на то, чего не случится. Я понимаю, когда ей больно, хотя она улыбается. И я понимаю, что однажды ей надоест ждать, и тогда всё изменится.

Спойлер: так и вышло. Но не буду забегать вперёд. Котам положено быть невозмутимыми.

История, которую вы собираетесь прочитать, началась задолго до моего появления. Но я расскажу её так, как видел

сам – с высоты подоконника, с расстояния в несколько человеческих лет и с полным осознанием того, что люди никогда не учатся на своих ошибках.

Особенно когда дело касается любви.

Итак, представьте себе: молодая женщина, двадцать восемь лет, красивая, умная, с чувством юмора – и с заниженной самооценкой до уровня плинтуса. Она три года ждёт мужчину, который обещает ей звёзды с неба, но на деле может предложить только воскресные вечера и запах чужого парфюма.

Я смотрел на неё в те дни и думал: «Дура». Если бы я мог с ней советоваться тогда, я бы сказал ей то же самое. Но она ещё не умела слушать.

Теперь умеет.

Впрочем, судите сами. Вот как это было.

С той самой подушки, которая пахла его одеколоном. С того самого утра понедельника, когда всё должно было измениться.

Но не изменилось.

Впрочем, как обычно.

Часть 1. Утро, которое не меняется

Марина проснулась оттого, что в комнату пробивалось

солнце. Не от будильника. От солнца. Редкость для московского утра, особенно в конце сентября.

Она повернула голову. Подушка рядом была пуста, но ещё хранила тепло. И запах. Тот самый – сандал, цитрус, что-то дорогое и чужое.

«Уехал», – подумала она. – «Как всегда, рано. Чтобы успеть до того, как Вика вернётся».

Она улыбнулась и зарылась носом в подушку. Два дня. Почти два дня они провели вместе. Суббота и воскресенье. Нон-стоп. Рекорд.

Кот на подоконнике открыл один глаз и посмотрел на неё с выражением, которое трудно было перепутать: «Ты серьёзно? Опять?»

– Не смотри на меня так, – буркнула Марина в подушку.

Кот продолжил смотреть. Коты вообще умеют смотреть так, что хочется провалиться сквозь землю. Особенно когда ты ведёшь себя как последняя дура.

Но сегодня Марине было всё равно. Она вспоминала.

В пятницу вечером Максим позвонил и сказал: «Вика улетает в Геленджик. С подругами. На все выходные».

У Марины внутри всё перевернулось от счастья.

– Приедешь? – спросила она, затаив дыхание.

– А ты как думаешь? – усмехнулся он. – Жди. Буду поздно.

Она ждала. Приготовила ужин, накрыла на стол, надела то самое бельё, которое купила специально «для особого слу-

чая». Случай был особый – целых два дня.

В одиннадцать вечера он позвонил: «Выхожу. Буду через час».

В час ночи – ещё звонок: «Пробки. Скоро буду».

В два часа ночи она уже не ждала. Она сидела на кухне, пила чай и смотрела на кота, который смотрел на неё с выражением «ну я же говорил».

В половине третьего раздался звонок в дверь.

Она открыла. На пороге стоял Максим – уставший, но улыбающийся.

– Прости, зайка, – сказал он, обнимая её. – Пришлось машину спрятать подальше, чтобы никто не увидел. А потом пешком шёл, думал, заблужусь.

– Ты пешком? – удивилась Марина.

– Ага. От соседней улицы. Такси вызвал от метро, чтобы свою тачку не светить. Представляешь, если кто увидит? Сразу Вике донесут.

Марина представила. Ей стало грустно, но она отогнала грусть. Главное – он здесь.

– Ты есть будешь? – спросила она. – Я ужин приготовила.

– Ой, зай, я так устал. Давай завтра. Просто посидим, выпьем вина, поболтаем.

Они сидели на кухне до четырёх утра. Максим рассказывал про Вику. – Она меня вообще достала, – жаловался он, попивая вино. – Вчера устроила сцену из-за того, что я на совещании трубку не взял. Представляешь? Я работаю, а она…

– А что её отец? – спросила Марина, подливая ему вино.

– О, это отдельная песня. – Максим закатил глаза. – Он меня всё время пилит. То недостаточно инициативный, то слишком много на себя беру. Я для него всегда буду просто зятем, который женился на его дочке из-за денег.

– Но это же не так? – спросила Марина.

Он посмотрел на неё долгим взглядом. Таким, от которого у неё подкашивались колени. – Конечно, не так, – сказал он мягко. – Я думал, что люблю ее, но теперь я тебя люблю, Рина. Ты же знаешь.

Она знала. Точнее, хотела верить.

Они целовались на кухне, потом в комнате, потом… потом было утро.

В субботу Максим проснулся в двенадцать. Марина уже сбегала в магазин, купила свежих круассанов, сыр, фрукты – всё, что он любил.

– Ты зачем встала так рано? – спросил он, жмурясь на солнце.

– Чтобы ты позавтракал нормально, – улыбнулась она.

Он ел круассаны, пил кофе и смотрел на неё с лёгкой улыбкой. Марина таяла.

– Знаешь, – сказал он, – с тобой так хорошо. Спокойно. Не то что с Викой – вечно она пилит, вечно ей что-то не так.

– А что ей не так? – спросила Марина, хотя знала, что лучше не спрашивать.

– Да всё. – Он махнул рукой. – То мало зарабатываю (хотя

я, между прочим, коммерческий директор!), то с её отцом мало общаюсь, то дома мало бываю. А где мне бывать, если она меня достаёт?

Марина кивала. Соглашалась. Подливала кофе.

Днём они смотрели фильм. Вернее, Максим смотрел, положив голову ей на колени, а Марина гладила его по волосам и думала о том, что вот оно – счастье.

Вечером она приготовила ужин. Паста с морепродуктами – его любимое. Он съел, похвалил, но как-то рассеянно.

– Ты чего? – спросила она.

– Да так, – вздохнул он. – Вика пишет. Спрашивает, как я. Приходится врать, что на даче, с друзьями.

– А ты не хочешь ей правду сказать?

Максим посмотрел на неё. Взгляд был странный – смесь усталости и раздражения.

– Рина, ну сколько раз говорить? Не могу я сейчас. Вот решу вопросы с её отцом, тогда…

– Тогда что?

– Тогда всё изменится. Обещаю.

Она кивнула. Она всегда кивала.

Кот сидел на подоконнике закатив глаза: – «опять эта сказка про белого бычка».

Воскресенье было похоже на субботу. Только Максим был чуть рассеяннее, чаще смотрел в телефон, отвечал на сообщения односложно.

– Вика? – спросила Марина.

– Ага. Пишет, что скучает. – Он усмехнулся. – Скучает она. По кому?

Марина промолчала.

Вечером, перед отъездом, он обнял её крепко-крепко.

– Спасибо тебе, зайка, – прошептал он. – Ты у меня самая лучшая. Если бы не ты, я бы сошёл с ума с этой семейкой.

– Переезжай ко мне, – сказала она.

– Обязательно. Вот решу вопросы…

Он ушёл. Марина стояла у окна и смотрела, как он садится в такси (машину он так и не пригнал, оставил где-то на соседней улице), как машина исчезает за поворотом.

Марина пошла в спальню, легла на его подушку и вдохнула запах. Сандал, цитрус, счастье.

Часть 2. Мечты

Оторвавшись от подушки, Марина налила себе кофе и устроилась на кухне с телефоном. Листая ленту, она наткнулась на своё старое фото – год назад, море, Сочи. Единственный отпуск за последние три года, который она провела не в ожидании Максима.

Она тогда поехала с Катей. Катя весь отпуск пыталась открыть ей глаза: – Рина, ну посмотри на себя, – говорила Катя, лёжа на шезлонге. – Ты красивая, умная, а сидишь и ждёшь,

когда этот придурок соизволит выбрать тебя. Он не выберет. У него бизнес, тесть, статус. А ты – просто любовница.

Марина обиделась тогда. Целый день не разговаривала с Катей, ходила по набережной и думала: «Она ничего не понимает. У нас любовь. А его жена… она же его использует. Папины деньги, связи, статус. А я люблю просто так».

Марина верила в эту теорию свято. Как верят в приметы, в гороскопы и в то, что если очень сильно захотеть, то Вселенная обязательно подстроится.

«На чужом горе счастья не построишь», – любила повторять бабушка. Марина кивала, но потом появился Максим, и теория трансформировалась.

Во-первых, это не чужое горе. Виктория сама виновата. Во-вторых, настоящая любовь всё преодолеет. В кино же преодолевает.

В кино, правда, обычно показывают развод и свадьбу. А в жизни – три года обещаний и запах на подушке.

Но Марина старалась не думать об этом. По утрам она думала о хорошем. Например, о том, что в пятницу у неё день рождения и они снова увидятся.

Она закрыла глаза и представила:

Вот он звонит в дверь. Пятница, вечер. У неё день рождения. Она открывает – а на пороге стоит Максим. С чемоданом. С маленьким, но очень выразительным чемоданом.

– Рина, – говорит он. – Я ушёл от неё. Навсегда.

Она замирает. Не верит.– Что?

– Я всё решил, – он улыбается той самой улыбкой, от которой у неё подкашиваются колени. – Надоело врать. Надоело прятаться. Я хочу быть с тобой. Каждый день. Каждую ночь. Навсегда.

Она бросается ему на шею. Он кружит её по прихожей. Кот возмущённо спрыгивает с подоконника – его чуть не задели чемоданом.

– А как же работа? – шепчет Марина. – А её отец?

– Плевать, – говорит Максим. – Найдём новую работу. Переедем в другой город. Купим квартиру. Заведём кота.

Марина смеётся сквозь слёзы. Она счастлива. Наконец-то. После трёх лет ожидания. После стольких ночей в одиночестве. После всех этих «скоро», «потерпи», «вот разведусь».

Они стоят в прихожей, обнявшись, и она чувствует, как всё становится правильно. Мир наконец-то встаёт с ног на голову, но в хорошем смысле. В самом хорошем.

Я люблю тебя, – говорит он.

– Я тоже, – отвечает она. – Я так долго ждала…

Дзы-ы-ы-ынь!

Марина подскочила на стуле, расплескав кофе. Телефон орал как сумасшедший. На экране высветилось: «Такси приехало. Жду 3 минуты».

– Чёрт! – Марина глянула на часы. 8:45. Она опаздывала. Опять.– Чёрт, чёрт, чёрт!

Она заметалась по квартире: схватила сумку, влепилась плечом в дверной косяк и вылетела на лестничную клетку.

В такси она пыталась отдышаться и привести мысли в порядок. Мечты развеялись, осталась только лёгкая грусть и запах кофе на блузке.

«Ничего, – подумала она. – В пятницу день рождения. Может, он сделает сюрприз. Может, именно в пятницу всё изменится».

Кот остался на подоконнике. Он смотрел вслед убегающей хозяйке и думал о том, что люди – удивительные существа. Они готовы верить во что угодно, лишь бы не видеть правду. Но он не вмешивался. Котам не положено. Он только покосился на красное платье, висевшее в шкафу – то самое, которое ещё сыграет свою роль, – и удовлетворённо прищурился. Люди такие предсказуемые.

Часть 3. Офис как театр

В офис Марина вошла ровно в 8:59.

– Мариночка, привет! – пропела Лерочка с ресепшена. – Ой, а ты какая сегодня! Прямо светишься!

– Спасибо, Лер, – улыбнулась Марина.

– Платье новое? – Лерочка прищурилась. – Сиреневое тебе очень идёт.

– Старое, – соврала Марина. Платье было новым. Она ку-

пила его специально к сегодняшнему дню, чтобы Максим увидел, какая она красивая, и подумал: «Зачем мне Вика?»

Лерочка понимающе кивнула. Ей было двадцать три, она носила розовые кофточки и верила, что если хлопать ресницами, мужчины будут падать к ногам. Иногда это работало. Лерочка была единственной в офисе, кто не знал про Марину и Максима. Или делала вид.

Остальные знали. Марина поняла это по взглядам, по шёпоту за спиной, по тому, как замолкали разговоры, когда она подходила к кулеру. Офис – серпентарий.

– Привет, – раздалось сзади.

Марина обернулась. Катя стояла с двумя стаканами кофе и смотрела на неё как врач на пациента, который отказывается верить в диагноз.

– Как выходные? – Катя протянула кофе. – Твой американо.

– Спасибо. Нормально. Фильмы смотрела.

– Одна?

– Одна.

Катя хмыкнула.

– Рина, я же вижу. Ты светишься. Как женщина, которая хорошо провела выходные с мужчиной. У которого жена и дети.

– У него нет детей.

– Это всё, что ты можешь сказать? – Катя покачала головой. – Ты правда думаешь, что он её бросит? Через три года?

Марина сделала глоток кофе.

– Он обещал. Просто надо подождать. Там бизнес, её отец – владелец компании. Он не может просто взять и уйти.

– Или он просто кормит тебя завтраками, – спокойно сказала Катя. – Это удобно. Ты есть, ты ждёшь, ты не требуешь ничего, кроме нескольких дней в месяц и обещаний.

– Ты не понимаешь. У нас любовь. А она… она его не любит. Использует. Она даже не знает, какой кофе он пьёт!

– А какой?

– Американо чёрный без сахара.

И ты думаешь, что это – доказательство любви? – Катя вздохнула. – Рина, милая, я тебя люблю, но ты дура. Ты просто дура, которая верит в сказки. Посмотри на меня. Я два года ждала своего бывшего. Тоже верила, что он бросит жену. Знаешь, чем кончилось?

– Чем?

– Психологом и кучей потраченных денег. А он до сих пор с женой. И у них второй ребёнок.

– У нас все по-другому.

– Конечно, – кивнула Катя и ушла.

Часть 4. Тайный язык

В 9:15 Максим написал в мессенджере: «Заходи».

Всего одно слово. Но от него у Марины внутри всё перевернулось. Она поправила платье, причесалась перед маленьким зеркальцем, которое держала в столе, и пошла.

Кабинет Максима находился в конце коридора. Дорога к нему занимала тридцать секунд, но за эти тридцать секунд Марина успевала прожить маленькую жизнь: вот она заходит, он улыбается, он встает, он подходит, он обнимает…

– Закрой дверь, – сказал Максим, даже не поднимая головы от бумаг.

Марина закрыла. Подошла к столу.

– Садись.

Она села на краешек стула. Всегда на краешек. Чтобы, если что, быстро встать и уйти. Но сегодня она не хотела уходить.

Максим поднял голову. Посмотрел на неё. Улыбнулся той самой улыбкой, из-за которой она соглашалась на всё.

– Красивое платье, – сказал он. – Новое?

– Старое, – соврала Марина.

– Врешь, – он усмехнулся. – Я все твои платья помню. Это новое. Тебе идет.

У Марины внутри всё растаяло. Он помнит её платья. Он помнит!

– Как прошёл вечер? – спросила она.

Максим поморщился. – Вика опять устроила сцену. Говорит, я мало времени уделяю семье. Какая семья, если у нас даже детей нет? Но ей лишь бы пилить.

– А почему у вас нет детей?

– Она не хочет. Говорит, фигуру испортит. – Он вздохнул. – На самом деле просто не готова меня с кем-то делить.

Марина промолчала. Каждый раз, когда он говорил о жене так, ей становилось легче. Значит, у них с Максимом есть будущее.

– Слушай, – он перегнулся через стол и понизил голос. – В пятницу увидимся? Я соскучился.

– А Вика?

– В четверг улетает в командировку. На все выходные.

– Значит, все выходные наши? – улыбнулась Марина.

– Договорились, – он подмигнул. – Иди работай, а то заметят.

Марина встала, направилась к двери. На пороге обернулась. Максим снова уткнулся в бумаги. Деловой, занятой. Как будто только что не было этого разговора.

В коридоре столкнулась с Лерочкой.

– Ой, а ты чего от Максима Юрьевича?

– Отчёты носила, – быстро ответила Марина.

– А-а-а, – протянула Лерочка. Взгляд у неё был странный. То ли знающий, то ли любопытный.

Часть 5. Бухгалтерский детектив

После обеда Марина пошла в бухгалтерию. Бухгалтерия в «СтройИнвестГрупп» – отдельный мир, населённый женщинами от сорока, которые знали про всех всё.

Тётя Зина, главбух, пила чай. При виде Марины сняла очки.

– Мариночка, зайди, прикрой дверь.

Марина зашла. Села напротив.

– Я тебе что хочу сказать, – тётя Зина отставила чашку. – Ты девочка хорошая. Работящая. Поэтому скажу как женщина женщине: он тебя водит за нос.

– Тётя Зина оглянулась на дверь. – Я тебе ничего не показывала, поняла? Просто имей в виду: я такие вещи за двадцать лет работы нюхом чую. У него всё на неё записано. Квартира, дача, страховка. Если бы он уходить собирался – тянул бы до последнего. А он оформляет. Значит, никуда не денется.

– С чего вы взяли? – внутри похолодело.

– Документы видела. – Тётя Зина достала папку. – Только никому не говори.

Она раскрыла папку. Договоры, выписки.

– Договор дарения. Квартира в центре. На Викторию Павловну. Дарственная на дачу. Тоже на неё. Страховка на двадцать миллионов. Выгодоприобретатель – она.

Марина смотрела на бумаги.

– И что? Он же с ней в браке, это нормально.

– Нормально? – тётя Зина усмехнулась. – Девочка, ты со-

всем глупая? Если бы он собирался уходить, он бы не оформлял на неё всё подряд. Он бы, наоборот, тянул. А он оформляет. Потому что никуда он не уйдет. Он при ней навсегда. Поняла?

– Поняла, – механически ответила Марина.

– Ничего ты не поняла, – вздохнула тётя Зина. – Ладно. Иди. Но запомни: я тебе говорила.

Марина вышла из бухгалтерии с папкой документов, которые нужно было отнести в архив. Ноги были ватными. В голове шумело.

Договор дарения. Квартира. Дача. Страховка.

Она попыталась вспомнить, что говорил Максим. «Я её не люблю, Рина. Я с тобой хочу быть. Просто надо подождать, пока бизнес стабилизируется. Ты же понимаешь, её отец… если я сейчас уйду, он меня уволит. А мне нужно на что-то жить, нам нужно на что-то жить…»

Три года она ждала, пока бизнес стабилизируется. Три года.

А он тем временем оформлял на жену квартиру, дачу.

«А может, они правы? – подумала она. – Может, я действительно дура?»

Она вспомнила вчерашний вечер. Как Максим целовал её плечи. Как говорил, что она самая красивая. Как обещал, что скоро всё изменится.

«Скоро». Это слово стало якорем, за который она держалась три года. Скоро. Скоро. Скоро.

А сколько можно ждать этого «скоро»?

Она достала телефон и набрала сообщение Кате: «Прости меня. Я дура. Давай поговорим?»

Катя ответила через минуту: «В семь. У «Кофеина». Придешь?»

Часть 6. Семья Максима

Вечером того же дня Марина задержалась на работе. Надо было доделать отчеты, которые Максим попросил срочно. Она сидела в своем маленьком закутке, стучала по клавишам и старалась не думать о том, что увидела в папке у тёти Зины.

Вдруг в коридоре послышались голоса. Марина подняла голову. Голоса приближались.

– …я тебе говорю, это абсурд! – Это был голос Максима. Раздраженный, злой. – Твой отец не имеет права так поступать!

– Имеет, – ответил женский голос. Холодный, спокойный. Виктория. – Это его компания. Он может назначать кого хочет.

– Но я же его зять! Я столько для компании сделал!

– Сделал, – согласилась Виктория. – И за это тебе платят зарплату. И дали квартиру. И машину. Чего ты еще хочешь?

– Я хочу, чтобы ко мне относились как к члену семьи, а

не как к наемному работнику!

Виктория остановилась у кабинета Марины. Дверь была приоткрыта.

– Ты член семьи. Но семья – это не только права. Ты давно был с моим отцом на рыбалке? Давно интересовался его здоровьем? – Она помолчала. – Знаешь, Максим, я тоже устала. Устала быть твоим пропуском в этот бизнес. Думаешь, я не вижу, как ты на меня смотришь? Как на обязанность?

Максим опешил. – Вика, я никогда…

– Не надо. – В её голосе вдруг послышалась усталость. – Я знаю, что ты женился не на мне, а на компании моего отца. И я, если честно, выходила замуж не по большой любви. Мне нужен был кто-то, кто сможет продолжать дело. А ты… ты просто хочешь всё и сразу, не давая ничего взамен.

– Я работаю!

– Ты работаешь, – кивнула она. – Но семьи в тебе нет. – Она прищурилась. —…Я слышала, ты с какой-то помощницей слишком много времени проводишь. – Марина вжалась в кресло. Пульс застучал в висках.

– Что за бред? – Максим изобразил возмущение. – Она просто сотрудница. – Марина выдохнула. Но внутри всё сжалось в тугой узел. «Просто сотрудница».

– Просто сотрудница, – повторила Виктория. – Ладно. Дело твоё. Только запомни: если я узнаю, что ты меня позоришь, папа вышвырнет тебя. Понял?

– Понял, – буркнул Максим.

– Поехали домой. Я устала.

Они ушли. Марина сидела, боясь дышать.

«Она просто сотрудница».

Три года завтраков, обещаний, украденных поцелуев. И всё, что он может сказать жене – «она просто сотрудница».

Марина закрыла лицо руками. Плечи тряслись. Она плакала беззвучно.

Часть 7. Платье и горькая правда

В семь вечера Марина сидела в «Кофеине» напротив Кати. Глаза были красные, несмотря на то что она полчаса промывала их холодной водой в туалете перед уходом.

– Рассказывай, – коротко сказала Катя.

Марина рассказала. Всё. И про папку тёти Зины, и про разговор Максима с женой, и про «она просто сотрудница».

Катя слушала молча. Когда Марина закончила, она откинулась на спинку стула и посмотрела на неё долгим взглядом.

– И что ты теперь думаешь?

– Не знаю. Я думала, у нас любовь. А он…

– А он водит тебя за нос. Три года. И будет водить дальше, пока ты позволяешь. Рина, посмотри правде в глаза: ты для него – игрушка. Отдушина. Способ самоутвердиться. А семья, бизнес, будущее – это Виктория.

– И что мне делать?

– Перестать надеяться. Чуда не будет. Он не бросит жену. Никогда.

– Не говори так, – Марина поморщилась.

– А как говорить? Правда глаза колет? – Катя вздохнула. – Рина, я тебя люблю. Поэтому и говорю прямо. Ты просто ждешь, а он просто обещает. Удобная схема для него. Убийственная для тебя.

Марина молчала. В голове крутились слова Максима: «Скоро всё изменится», «Я тебя люблю», «Ты самая лучшая».

И рядом – голос Виктории: «Она просто сотрудница».

– Даже если она его не любит.– Продолжала беспощадно Катя – Даже если использует. Это его клетка, из которой он не хочет выходить. Ему там комфортно. Сытая, обеспеченная жизнь. А ты… ты просто вишенка на торте. Вкусная, но необязательная.

– Знаешь, что самое страшное? – сказала Марина после долгой паузы. – Я ведь даже не могу его ненавидеть. Я хочу, но не могу. Потому что люблю.

– Это пройдет, – Катя накрыла её руку своей. – Не сразу. Но пройдет. Главное – начать.

Часть 8. Вечерний звонок

Дома Марина сидела на кухне и смотрела на телефон. На экране высветилось сообщение от Максима: «Спокойной ночи, любимая. Скучаю. Завтра позвоню».

Обычно она писала в ответ что-то нежное. Сердечки, поцелуйчики, «я тоже скучаю».

Сегодня она не ответила.

Она смотрела на телефон и думала: «А что, если он правда любит? А что, если ему просто страшно? А что, если он действительно уйдет, просто надо подождать ещё немного?»

И тут же другой голос, голос Кати и тёти Зины, говорил: «Три года, Рина. Три года ты ждешь. Сколько ещё? Ещё три? Десять? Всю жизнь?»

Она встала, подошла к шкафу и достала красное платье. То самое, с открытой спиной, которое купила, чтобы уговорить его остаться на ночь в ее день рождения.

Красивое. Шёлковое. Дорогое.

Она посмотрела на себя в зеркало.

– Ты красивая, – сказала она своему отражению. – Ты умная. Ты талантливая. И ты достойна того, чтобы тебя выбрали. По-настоящему. Без оглядки на жену, бизнес и папины деньги.

Отражение молчало.

– А если он не выбирает, – продолжила Марина. – Значит, не судьба. Значит, не любовь. Значит, просто несколько лет завтраков на завтрак.

Она повесила платье обратно.

Завтра будет новый день.

И, может быть, в этом новом дне она наконец перестанет ждать.

Но это будет завтра.

А сегодня она ещё любила.

И это было больно.

Часть 9. Предчувствие

Четверг тянулся бесконечно. Марина сидела за столом, смотрела в монитор, но цифры плясали.

«Просто устала».

Но внутри зудел звоночек. Максим сегодня не написал ни разу. Обычно он находил минуту – утром, в обед. Короткое «скучаю», «думаю о тебе». Сегодня тишина.

«Занят», – успокаивала она себя. – «У него же совещание за совещанием. И потом, нельзя же быть такими собственницами, в конце концов. У людей работа».

Но звоночек зудел.

В 18:45 Марина собрала вещи. Осталось занести докумен-

ты в кабинет Максиму и можно домой.

Она подошла к его кабинету. Дверь приоткрыта. Изнутри доносился голос Максима.

Марина подняла руку постучать и замерла. – …дурочка ты моя, – говорил Максим. Мягко, ласково, с придыханием. Таким тоном, каким никогда не говорил с ней. – Конечно, соскучился. Я всегда по тебе скучаю.

Марина замерла.

– Да нет, ничего не случилось… Ты как? Доехала? Пауза. Потом рассмеялся – тем смехом, который Марина считала предназначенным только для неё.

– Слушай, я билеты купил. На пятницу. Сюрприз хотел сделать, но не утерпел. В Париж, моя королева, в Париж. На выходные.

Марина прижалась лбом к стеклянной стене. Холодное стекло обожгло кожу.

– Для моей королевы лучший подарок – Париж. – Он мурлыкал в трубку. – Да, помню, у тебя встреча в субботу, но вечером мы свободны. Эйфелева башня, ужин при свечах, и ты в том красном платье…

Красное платье.

Марина посмотрела на себя. На ней сиреневое, которое он похвалил.

«Я все твои платья помню», – сказал он тогда.

Она смотрела сквозь стекло. Максим сидел в кресле, развернувшись к окну, и улыбался в телефон. Улыбался так, как

она мечтала, чтобы он улыбался ей.

– Я тебя люблю, – сказал он в трубку. – Больше жизни. Целую. До завтра.

Нажал отбой.

Марина стояла по ту сторону стекла. Её мир рушился с тихим хрустом.

«В Париж. На выходные. На её день рождения. Моя королева».

Она вспомнила, как в то время, когда всё только начиналось, он сказал: «Я никогда не был в Париже. Мечтаю поехать с той, кого по-настоящему полюблю».

Она ждала все это время. А он поедет с женой.

С той, кого называл «монстром» и «эгоисткой».

Марина развернулась и пошла в туалет. Спокойно, ровно, ничем не выдавая себя. Закрылась в кабинке, села на крышку унитаза и заплакала.

Беззвучно, как училась за эти три года. Потому что в офисе нельзя плакать громко – услышат, поймут, начнут жалеть. А жалость хуже ненависти.

Марина не помнила, как доехала до дома. Город за окном такси плыл, размазываясь в мокрые огни. Водитель ныл про погоду, пробки и баб за рулём. Марина кивала. Ей казалось, что мир за окном плавится и стекает в грязные лужи, а этот человек переживает из-за какого-то дождя. .

Дома она села на пол в прихожей и просидела так, наверное, час. Потом встала, подошла к шкафу и достала коробку.

В коробке было всё. Билетики из кино – первый раз они пошли в кино через две недели после начала их романа. Максим сказал, что это «случайно», но она видела в его глазах то самое. Открытка с цветами – он подарил на Восьмое марта, подписав «Самой лучшей девушке на свете». Фотография, распечатанная тайком – они были в парке, он обнимает её за плечи, оба смеются. Она уговорила прохожую сфотографировать их «как друзей», а сама смотрела в кадр так, как смотрят только на любимого.

Шарф, который он забыл у неё прошлой зимой. Она так и не отдала. Грела им лицо по ночам, вдыхала запах.

Марина взяла шарф, поднесла к лицу и зарыдала в голос. Теперь можно. Теперь никто не слышит.

Она вспомнила, как всё начиналось.

Часть 10.Три года назад

Июнь, три года назад

Марина пришла в «СтройИнвестГрупп» обычным помощником. Скучная работа, средняя зарплата, никаких перспектив. Но ей было двадцать пять, и она верила, что всё впереди.

Максим появился в офисе в августе. Новый коммерческий директор, зять владельца, красавчик с обложки. Высокий,

подтянутый, с глазами такого синего цвета, что в них хотелось нырнуть.

Он вошёл в открытое пространство офиса, и все женщины как по команде подняли головы. Даже тётя Зина в бухгалтерии, которая клялась, что её уже ничего не проймёт, сняла очки и протерла их.

Марина как раз стояла у кофейного автомата. Максим подошёл, улыбнулся и спросил:

– А где тут у вас можно кофе выпросить? А то я без кофе не человек.

– Сейчас сделаю, – выпалила Марина, покраснев до корней волос.

Она нажала кнопку американо. Автомат зашумел, выдавая порцию.

– Чёрный, без сахара? – уточнила она, протягивая стаканчик.

Максим удивился: – А вы как догадались?

– Не знаю, – пожала плечами Марина. – Просто показалось, что вы …

Он засмеялся. У него был приятный смех – не громкий, не наигранный, а какой-то тёплый. – Вы ясновидящая?

– нет, я помощник руководителя, – поправила Марина. – Почти. Помощник руководителя. Мы по умолчанию должны видеть людей насквозь, иначе не выживем.

– Помощник руководителя, значит, – Максим сделал глоток. – А почему я вас раньше не замечал?

– Потому что я серая мышь, – честно ответила Марина. – Сливаться со стеной – моя супер способность.

– Зря, – сказал Максим, глядя на неё так, что у неё подкосились ноги. – Очень зря.

Потом был месяц взглядов, случайных встреч в коридоре, неловких улыбок. Марина старалась не думать о том, что он начальник, и что женат. «Просто симпатичный мужчина, просто флирт, ничего серьёзного», – уговаривала она себя.

А потом был корпоратив.

Часть 11. Корпоратив

Четыре года компании. Четыре! Это даже не юбилей. Это такая странная цифра, которую придумали, чтобы легально напиться в среду. Но в нашей конторе повод выпить считается святым, даже если просто вторник закончился. Так что сняли ресторан, наняли диджея, у которого плейлист застрял в 2007-м, и началось

Марина стояла у стойки с бокалом тёплого шампанского. Перед ней менеджер из продаж пытался залезть на стул под «Владимирский централ». Кто-то плакал. Кто-то потерял туфельку.

– Скучаете? – раздалось сзади.

Она обернулась и чуть не врезалась лбом ему в подборо-

док. Максим стоял слишком близко. Пах дорогим парфюмом, виски и чем-то опасным.

–Добрый вечер красавица! Если честно, я просто сбежал. От бухгалтера, который хотел спеть со мной дуэтом. От собственницы Вики, которая, конечно, на корпоратив не поехала («Милый, ты же знаешь, я не вожусь с челядью»), но исправно пишет мне каждые полчаса: «Ты там не опозорь нашу семью». Я коммерческий директор. Я зять. Я живой щит между её миром и этим.

Он улыбается. У него ямочки на щеках. У коммерческого директора, мать его, ямочки. Как у пятиклассника, который подергал за косичку.

Просто отдыхаю. Отдыхаю от отдыха, если честно. Еле шевеля губами, прошептала я

– А со мной выпьете? – спрашивает он.

Я смотрю на него. На его дорогой пиджак. На уставшие глаза. На эту странную смесь наглости и уязвимости.

– А с вами можно? – вырывается у меня само собой. – Вы же вон тот важный, с табличкой «Не подходи, убьёт»?

Он смеётся. Реально смеётся. И говорит:– Со мной – можно всё. Сегодня я не коммерческий директор. Сегодня я Макс, которого забыли позвать на этот праздник жизни, но он припёрся. И у меня есть план: мы сейчас пьём шампанское, делаем вид, что мы не на работе, а если диджей включит «Цвет настроения синий», мы синхронно падаем в обморок. – Идёт?

– Идёт.

Они пили. Сначала шампанское, потом что-то покрепче, потому что бармен решил, что они красивая пара. Танцевали. Первый танец – она вспомнила, как дышать. Второй – смеялись над своей неуклюжестью. Третий – она перестала понимать, где заканчивается его рука и начинается её спина.

К концу вечера у неё кружилась голова. То ли от коктейлей, то ли от его близости. То ли от того, что внутри всё кричало: «Это неправильно! У него жена!». А другая часть шептала: «Зато какая история будет внукам».

Вечер кончился. Люди разъезжаются. Кто-то ловит такси, кто-то пытается поймать утраченное достоинство. Максим предложил:– Я отвезу вас домой.

– А вы обещаете, что не включите шансон?

Он улыбается. Опять эти ямочки. – Обещаю. Только джаз. И только если вы не против.

Внутри у Марины всё кричало: «ДА, ЧЁРТ ВОЗЬМИ, Я СОГЛАСНА!».

В такси он держал её за руку. Молча. Просто держал. А у нее в голове крутилось: – «Марина, ты сошла с ума. Это твой начальник. Он женат на дочери хозяина. Завтра будет ад». А потом: «Ну и ладно. Завтра будет завтра. А сегодня пусть будет приключение».

У подъезда, когда она хотела выйти, он остановил:

– Подожди. Я не могу больше притворяться. Я только о тебе и думаю. Каждую минуту.

– Вы женаты.

– Знаю. – Он закрыл глаза. – Знаю. И не имею права. Но ничего не могу с собой поделать.

Она должна была выйти. Сказать «прощайте». Вместо этого спросила:– И что нам делать?

– Не знаю. – В его глазах была боль. – Я только знаю, что не хочу тебя терять.

Она поцеловала его первая.

Потом был подъём в лифте, её квартира, его руки, его губы, его шёпот: «Малыш, ты лучшая».

А утром он ушёл рано, поцеловал в лоб и пообещал: «Скоро всё изменится. Я с ней поговорю. Просто дай мне время».

И время пошло. Три года.

Часть 12. Ненависть приходит тихо

«А теперь, три года спустя, она сидела на полу и ненавидела себя за то, что всё ещё любит.»

Но сквозь неё проступало другое чувство. Холодное. Тяжёлое. Липкое.

Ненависть.

Она не хотела её впускать. Три года она училась любить, прощать, ждать. Три года оправдывала каждое его слово.

«Он не может уйти сразу, там бизнес».

«Она его шантажирует».

«Ему нужно время».

А он просто врал. Каждое «скучаю» было ложью. Каждое «люблю» – ложью. Каждый поцелуй, каждое прикосновение, каждое обещание – ложь.

Он не собирался уходить. Никогда.

Она была просто игрушкой. Удобной, доступной, безотказной.

«Для моей королевы лучший подарок – Париж».

Для королевы. Для той, которую он называл монстром.

А для неё что? Редкие вечера, когда жена уезжала? Быстрый секс, пока Вика на йоге? Обещания, которые ничего не стоили?

Марина встала. Ноги затекли. Она подошла к зеркалу.

Из зеркала на неё смотрела женщина с опухшими глазами, растрёпанными волосами и лицом человека, которого переехал поезд.

– Ты идиотка, – сказала она себе. – Сама позволила себя использовать. Три года. Сама.

Она ударила кулаком по зеркалу. Зеркало устояло. Костяшки отозвались тупой болью. – Хватит, – сказала она вслух. – Хватит.

Глава 2. Стеклянная стена

Часть 1. Утро. Решение

Ночью она почти не спала. Лежала, смотрела в потолок на пятно-Австралию и думала. Вспоминала все его обещания, все «скоро», все «потерпи ещё немного».

«Я не могу просто взять и уйти, это разрушит бизнес».

«Вот Вика успокоится после сделки, и я с ней поговорю».

«Ты же понимаешь, она человек эмоциональный, надо правильно подобрать момент».

Момент он подбирал три года.

А сам в это время покупал билеты в Париж. Для королевы.

В шесть утра Марина встала, приняла душ, оделась и поехала в офис. Раньше всех. Чтобы успеть до того, как придут люди. Чтобы никто не видел её лица.

Она села за свой компьютер и открыла чистый документ. Пальцы зависли над клавиатурой.

Три года назад она точно так же сидела за этим столом, только тогда всё было новым. Первый рабочий день после корпоратива. Она надела новую блузку, волновалась, улыбалась всем подряд. А потом вошёл ОН. Высокий, в идеальном

костюме, с глазами такого синего цвета, что в них хотелось нырнуть. Он посмотрел на неё, улыбнулся и спросил, где тут можно выпросить кофе.

Тогда ей казалось – что он ее судьба.

Марина тряхнула головой, отгоняя воспоминание. Хватит.

Она написала заявление об увольнении. По собственному желанию. Без отработки.

Фирменных бланков было жалко. Честно. Три года она экономила эти бланки, пересчитывала каждый листок, потому что бюджет на канцелярию урезали, а начальство требовало отчётности. Тратить фирменный бланк на этого козла?

Марина взяла салфетку. Обычную бумажную салфетку, которые лежали в столовой пачками. И на ней красивым почерком вывела:

«Генеральному директору ООО "СтройИнвестГрупп"

от Ветровой Марины Игоревны

ЗАЯВЛЕНИЕ

Прошу уволить меня по собственному желанию сегодняшним числом. Причину увольнения прошу считать "личные обстоятельства", но если хотите, могу написать настоящую: "Потому что ваш зять – лживый козёл, который три года кормил меня завтраками, пока покупал жене билеты в Париж".

С уважением (бывшим),

Ветрова М.И.

P.S. Кофе ему больше носить некому. Придётся самому разбираться в кнопках кофейного автомата.

Спойлер: там всего две – чёрный и с молоком. Думаю, справитесь.»

Она перечитала. Ухмыльнулась. Сложила салфетку пополам и убрала в карман.

Потом открыла ящик стола и достала ключ-карту от офиса. Ту самую, которую три года назад ей торжественно вручили с напутствием «береги, как зеницу ока».

Подержала в руках. Вспомнила, как Максим в первый месяц их романа говорил: «Если бы у меня была такая карта от твоего сердца, я бы никогда её не потерял».

– Идиотка, – прошептала она.

Часть 2. Флешбек. Год первый. Начало

Три года назад. Октябрь.

Марина тогда ещё не знала, что значит ждать. Она только начинала.

Их роман закрутился быстро – корпоратив, такси, его руки, его губы, его шёпот: «Малыш.Ты моя». А утром он ушёл рано, поцеловал в лоб и пообещал: «Скоро всё изменится. Я

с ней поговорю. Просто дай мне время».

И она дала.

Первые месяцы были лёгкими. Он находил минуту написать, позвонить, заехать. Они встречались в парках, в кафе на окраинах, в её маленькой квартире. Он жаловался на жену: «Она меня не понимает, Рина. Ей важно только, сколько я зарабатываю и как выгляжу при её отце».

– А ты? – спросила она однажды. – Ты её любил?

Максим задумался. По-настоящему, не играя.

– Не знаю, – сказал он наконец. – Может, сначала и любил. А потом… потом она стала частью пакета. Компания, статус, деньги. Я женился на ней, потому что так было правильно. Потому что её отец обещал мне будущее.

– А теперь?

– А теперь я не знаю, что правильно, – он посмотрел на неё. – Кроме одного. Ты – правильно.

Она поверила.

Часть 3. Год второй. Трещины

Два года назад. Август.

Они стали встречаться реже. Максим всё чаще отменял встречи: «Рина, прости, Вика заболела», «Рина, срочные переговоры», «Рина, тесть приехал».

Марина старалась не думать о плохом. Она ждала.

Однажды она случайно увидела его с женой. В торговом центре. Они выбирали люстру – дорогую, хрустальную, явно не для её съёмной квартиры. Виктория смеялась, поправляла ему галстук. Максим улыбался. Не той улыбкой, которой улыбался Марине, – другой. Спокойной, домашней.

Она спряталась за колонной и смотрела, как они уходят. Он держал жену за руку.

Вечером он позвонил: «Скучаю. Завтра увидимся?»

– А где ты был сегодня? – спросила она.

– Весь день на работе, – ответил он, не задумываясь. – Устал как собака.

Она могла бы сказать правду. Могла бы устроить сцену. Но она промолчала.

Потому что боялась его потерять.

Часть 4. Год третий. Сомнения

Шесть месяцев назад. Март.

Максим сидел в машине напротив её дома и не решался выйти.

Он приехал, как всегда, когда Вика уехала к родителям. Но в этот раз что-то было не так.

Он вспомнил утро. Вика завтракала напротив, гладила

живот (она не была беременна, просто набрала вес) и говорила:

– Макс, папа предлагает расширяться. Нужен твой проект.

– Сделаю, – ответил он.

Она посмотрела на него долгим взглядом. Не обычным своим «я-королева-а-ты-прислуга», а другим – усталым, почти грустным.

– Ты вообще слушаешь? – тихо спросила она. – Ты где витаешь?

– На работе устал.

– Ты всегда устаёшь. – Она отложила вилку. – Знаешь, Макс, я иногда думаю… а ты вообще зачем на мне женился? Из-за папы? Из-за компании?

Он замер.– Вика, что за глупости?

– Не глупости. – Она смотрела в окно. – Я же вижу, как ты на меня смотришь. Как на обязанность. Как на пункт в расписании.

– Ты не права…

– Может быть. – Она встала, собирая тарелки. – А может, я просто устала притворяться, что у нас семья.

Она ушла на кухню. Максим остался сидеть, чувствуя, как внутри разрастается липкое чувство вины.

Он хотел сказать: «Я хочу быть с другой». Но не сказал.

Потому что боялся. Боялся потерять компанию, статус, деньги. Боялся, что отец Вики вышвырнет его на улицу. Боялся, что Марина разочаруется, когда увидит его без галсту-

ка и без счёта в банке.

Он вышел из машины, поднялся к ней. Она открыла дверь, улыбнулась.

– Соскучился, – сказал он и обнял её.

И в этот момент он ненавидел себя. За то, что не может выбрать. За то, что врёт обеим. За то, что слабый.

Но сказать об этом не мог.

Часть 5. Последний разговор

В 9:15 Максим пришёл на работу. Марина сидела за своим столом и делала вид, что работает. Она специально не пошла к нему с кофе. Пусть сам идёт, если надо.

В 9:30 в мессенджере загорелось: «Зайди».

Марина встала. Поправила блузку. Вдохнула. Выдохнула. И пошла.

В кабинете Максим сидел в кресле и листал какие-то бумаги. При её появлении поднял голову и улыбнулся. Но в улыбке этой было что-то новое – виноватое? Или показалось?

– Привет, красавица. Как спалось?

– Нормально, – ответила Марина, останавливаясь у двери.

– Чего не заходишь? – он встал, подошёл к ней. – Я соскучился.

– Врёшь, – спокойно сказала Марина.

Максим замер.

– Что?

– Я сказала: врёшь. Ты не соскучился. Ты вообще ни по кому не скучаешь, кроме себя.

– Ты чего? – он попытался изобразить недоумение. – Что случилось?

– Ничего не случилось. – Марина смотрела ему прямо в глаза. Впервые за три года она смотрела, не отводя взгляда. – Просто я вчера слышала твой разговор. С Викторией. Про Париж. Про королеву. Про красное платье.

Максим побледнел. Потом покраснел. Потом снова побледнел.

– Рина, ты не так поняла…

– О, правда? – Марина усмехнулась. – А как это можно понять? Ты говорил жене, что любишь её больше жизни. Что купил билеты в Париж на выходные. Что для королевы лучший подарок – Париж. Это я как-то не так поняла? Может, ты про другую Викторию говорил? У нас их в офисе две?

– Рина, послушай…

– Нет, это ты послушай. – Голос Марины дрогнул, но она взяла себя в руки. – Три года, Максим. Три года я ждала. Три года я верила. Три года я просыпалась с мыслью, что сегодня – тот самый день, когда ты наконец решишься. Три года я оправдывала тебя перед подругами, перед самой собой. А ты… ты просто врал.

– Я не врал! – он схватил её за руку. – Я правда люблю тебя!

– Любишь? – Марина выдернула руку. – Любишь – и улетаешь с женой в Париж на мой день рожденья? Любишь – и называешь её королевой? Любишь – и врёшь мне каждый день?

– Ты не понимаешь! – Максим повысил голос. – Это сложно! У нас бизнес, связи, её отец! Я не могу просто взять и разрушить всё, что строил годами!

– А я, значит, могу ждать годами? – горько усмехнулась Марина. – Я могу быть тайной, игрушкой, воскресным вариантом? Я могу слушать, как ты называешь её монстром, а сам покупаешь ей билеты в Париж?

– Рина…

– Не называй меня так. – Она достала из кармана салфетку и протянула ему. – Вот. Заявление. По собственному.

Максим взял салфетку, развернул, прочитал. Лицо его вытянулось.

– Ты серьёзно? Салфетка?

– Фирменных бланков жалко, – пожала плечами Марина. – Ты их не заслужил.

– Рина, не дури. – Он попытался взять её за руку снова. – Давай поговорим спокойно.

– Мы уже поговорили.

– Нет, не поговорили. – В его голосе появились металлические нотки. – Ты на эмоциях. Ты не понимаешь, что гово-

ришь.

– Я прекрасно понимаю. – Марина отошла на шаг. – Я три года ничего не понимала. А теперь поняла.

– И что ты поняла?

– Что ты никогда не бросишь жену. Никогда. Потому что тебе так удобно. Ты при ней – при деньгах, при статусе, при квартире. А я – так, развлечение. Чтобы воскресные вечера скрашивать.

– Не смей так говорить! – Максим сжал кулаки. – Ты не знаешь, что у меня на душе!

– А ты мне не давал узнать. – В глазах Марины защипало, но она сдержала слёзы. – Ты давал только обещания. Пустые. Как этот твой кофе без сахара. Вроде есть, а на самом деле – вода.

– Рина, послушай…

– Нет, это ты послушай. – Она вытащила из кармана ключ-карту и швырнула её на стол. Карта звякнула, упав на стеклянную поверхность. – Вот. Забирай. От сердца, от души, от всего, что я тебе отдала за эти три года. Дарю. Пользуйся.

Она развернулась и пошла к двери.

– Стоять! – рявкнул Максим.

Марина остановилась. Обернулась.

– Что ещё?

Максим стоял посреди кабинета, сжимая в руке салфетку. Лицо его перекосилось.

– Ты хоть понимаешь, что тебя никто не ждёт? – выпа-

лил он. – Ты вообще кто? Помощница с зарплатой в пятьдесят тысяч. Квартира съёмная. Друзей – раз, два и обчёлся. Мужика нормального нет и не будет. Я, между прочим, тебе одолжение делал! На тебя внимание обращал! А ты… кочевряжишься! Из-за чего? Из-за какой-то поездки?

Марина смотрела на него. И вдруг увидела не монстра – жалкого, запутавшегося человека, который сам не знает, чего хочет.

– Спасибо, – сказала она тихо. – Спасибо тебе.

– За что? – опешил он.

– За то, что показал себя настоящего. – Она открыла дверь. – Теперь я хотя бы знаю, что три года ждала не человека, а свои иллюзии. Прощай, Максим.

И вышла.

Часть 6. Максим. После

Он остался один.

Стоял посреди кабинета, смотрел на дверь и чувствовал, как внутри что-то разрывается.

«Что я наделал? – подумал он. – Зачем я это сказал?»

Он хотел побежать за ней. Хотел догнать, объяснить, сказать, что она не права, что он любит, что…

Что? Что он мог ей сказать? Что будет ждать? Он и так

три года заставлял её ждать. Что изменится?

Он сел в кресло, закрыл лицо руками.

Вспомнил, как смотрел на неё тогда, на корпоративе. Как она улыбалась, как светилась. Как потом, в такси, держал её за руку и думал: «Вот она – та самая».

А теперь?

Теперь она ушла. И он сам виноват.

– Идиот, – прошептал он. – Какой же ты идиот. Но бежать за ней не стал. Потому что боялся. Потому что всегда боялся..

Зазвонил телефон. На экране – „Вика“. Он сбросил. Потом набрал сообщение: „Задерживаюсь на работе“. Очередная ложь

Часть 7. Прощание с офисом

По коридору она шла, высоко подняв голову. Смотрела прямо перед собой, чтобы не видеть лиц. Но видела краем глаза.

Леночка с ресепшена смотрела с открытым ртом. Тётя Зина стояла в дверях бухгалтерии и качала головой. Катя вышла из своего кабинета и сделала шаг навстречу.

– Рина…

– Потом, Кать. – Марина остановилась на секунду. – Я по-

звоню. Обещаю.

– Ты как?

– Я – никак. Но буду жива. Наверное.

Катя смотрела на неё, и в глазах её стояли слёзы.

– Ты только держись, – сказала она. – И знай: если что – я всегда рядом. И если тебе когда-нибудь понадобится помощь – я лично оторву этому козлу всё, что можно оторвать.

Марина улыбнулась сквозь слёзы.

– Спасибо, Кать. Ты лучшая.

– Иди уже, – Катя махнула рукой. – А я тут пригляжу, чтобы твой кактус не спёрли.

Марина рассмеялась. Сквозь слёзы, но рассмеялась.

Она прошла к своему столу. Достала из ящиков личные вещи – фотографию мамы, блокнот, несколько ручек, запасные колготки. Всё поместилось в маленький пакет.

Ничего не забыла.

Кроме трёх лет жизни.

В дверях она столкнулась с Максимом. Он стоял, прислонившись к стене, и смотрел на неё. Взгляд был странный – смесь злости, растерянности и сожаления.

– Рина, – тихо сказал он. – Не уходи. Давай поговорим.

– Нечего говорить.

– Я не хотел… я не так сказал…

– Именно так. – Марина посмотрела ему в глаза. – Именно так ты и думаешь. И всегда думал. Я была для тебя любимой игрушкой. Спасибо, что открыл глаза.

Она развернулась и пошла к лифту. За спиной слышался шёпот – офис обсуждал сцену. Кто-то сочувствовал, кто-то злорадствовал, кто-то просто смотрел, как разворачивается драма.

Лифт открылся. Марина вошла, нажала кнопку первого этажа.

Двери закрылись, отрезая её от прошлой жизни.

В лифте она наконец разрешила себе заплакать.

Часть 8. Дорога в один конец

Дома она собрала вещи за час. Много ли надо человеку, который столько времени прожил в режиме ожидания? Джинсы, свитера, пара платьев, косметичка, ноутбук.

Кот сидел на подоконнике и наблюдал за сборами с выражением, которое трудно было перепутать: «Ну наконец-то до тебя дошло».

– Не смотри на меня так, – буркнула Марина, закидывая в сумку зарядку. – Я всё правильно делаю.

Кот фыркнул. «Конечно, правильно. Только долго думала».

– Я слышу тебя, – сказала Марина. – Даже если ты молчишь.

Кот усмехнулся. Котам не нужны слова, чтобы выражать

своё мнение.

Красное платье, так и не надетое, она бросила на кровать. Подумала – и всё-таки взяла. Не для него. Для себя. Для новой жизни.

– Поедешь со мной? – спросила она, глядя на кота.

Кот посмотрел на неё с выражением «а ты сомневалась?».

– Тогда собирайся. У нас автобус через два часа.

Кот спрыгнул с подоконника и направился к переноске. Он был готов к переменам. В конце концов, коты – существа свободные. Они не привязываются к месту, они привязываются к человеку. А этот человек, несмотря на всю её дурость, была его человеком.

Марина закрыла дверь, кинула ключи в почтовый ящик и вышла на лестницу с сумкой в одной руке и переноской с котом в другой. Кот из переноски одобрительно мяукнул. Прощай, Москва, – сказала Марина. Она не знала, что в этот момент он уже сидел в машине напротив её дома.

Часть 9. Там, где заканчивается ложь

Максим сидел в машине напротив её дома и смотрел на окна. Свет погас. Она ушла.

– Куда ты поедешь, Рина? – прошептал он. – Что будешь делать?

Он хотел позвонить. Но номер был заблокирован.

Он хотел поехать за ней. Но не знал куда.

Он хотел всё исправить. Но понимал, что поздно.

– Идиот, – сказал он себе в сотый раз. – Какой же ты идиот.

Он завёл мотор и поехал домой. К жене. К жизни, которую выбрал сам.

И впервые за долгое время ему было по-настоящему страшно.

Автобус мерно гудел, унося её прочь от Москвы. За окном проплывали берёзки, деревни, придорожные кафе с яркими вывесками. Марина сидела у окна и смотрела, не видя.

Кот в переноске на соседнем сиденье периодически подавал голос, напоминая о себе вздыхая. «Люди такие громкие. Но ничего, поплачет и перестанет.»

– Я знаю, кот, – отвечала Марина. – Я тоже в шоке.

Кот фыркал в ответ. «Я не в шоке. Я всегда знал, что этим кончится. Просто надеялся, что ты поймёшь это пораньше».

– Ты мог бы и сказать, – буркнула Марина.

Кот посмотрел на неё с выражением «Я говорил. Ты не слушала».

– Ладно, проехали.

В голове крутились слова Максима. «Радуйся, что такой мужик на тебя внимание обратил». «Ты вообще никто». «Одолжение делал».

Три года она считала, что они любят друг друга. Три года она думала, что он – тот самый, ради которого можно подождать, потерпеть, простить.

А он считал, что делает ей одолжение.

Слезы текли по щекам. Марина не вытирала их. Пусть. В автобусе темно, никто не видит.

Кот в переноске вздохнул. «Плачь, плачь. Легче станет. А завтра начнём новую жизнь».

– Ты прав, кот, – прошептала Марина. – Завтра начнём.

– Девушка, вам плохо? – спросил сосед слева, пожилой мужчина с добрыми глазами.

– Нормально, – всхлипнула Марина. – Просто аллергия.

– На жизнь? – понимающе кивнул мужчина.

– Ага. На жизнь.

Он протянул ей носовой платок. Чистый, выглаженный.

– Держите. У меня дочка вашего возраста. Тоже иногда плачет в автобусах. Говорит, дорога лечит.

– Лечит? – Марина вытерла слёзы.

– Ну, не знаю, – мужчина пожал плечами. – Но отвлекает точно. Вы смотрите в окно. Там, между прочим, Россия. Большая, разная. В ней можно затеряться. Или найтись. Кому что нужно.

Марина посмотрела в окно.

Лес сменился полем. Поле – деревней с покосившимися домиками. Деревня – снова лесом.

Россия. Большая, разная.

Где-то там, впереди, была новая жизнь. Без завтраков на завтрак. Без обещаний. Без него.

Страшно.

Но выхода нет.

Марина откинулась на спинку кресла и закрыла глаза.

Впервые за три года она не ждала сообщения от Максима.

Впервые за три года ей нечего было ждать.

И в этой пустоте было что-то почти освобождающее.

Кот в переноске согласно кивнул. «Наконец-то».

Часть 10. Нижний Новгород

Автобус въехал в Нижний Новгород, когда начало смеркаться. Город встретил её огнями, мокрым асфальтом и запахом большой реки.

Она вышла на вокзальной площади, достала телефон. Связи почти не было, но навигатор кое-как грузился. Ближайшая гостиница – в десяти минутах ходьбы.

Марина взяла сумку, переноску с котом и пошла.

Дождь моросил мелкий, противный, но зонта не было. Оставила в Москве. Вместе с зонтом остались ключ-карта и надежда.

Кот в переноске возмущённо мяукнул: «Ты меня утопишь!»

– Потерпи, – буркнула Марина. – Это временно.

Она шла по незнакомому городу, мокла, мёрзла и чувствовала, как с каждым шагом тяжесть в груди становится чуть меньше. Как будто она выходила из зоны турбулентности.

В кармане завибрировал телефон. Марина достала – Катя.

– Ты где? – голос подруги был взволнованным. – Я только что узнала, что этот козёл тебе наговорил. Если хочешь, я ему в глаз дам!

– Не надо, – улыбнулась Марина. – Я уже дала. Морально.

– Ты как?

– Жива. В Нижнем. С котом.

– В Нижнем? – ахнула Катя. – Ты с ума сошла? А квартира? А работа?

– А ничего, – перебила Марина. – Всё равно там ничего не держало.

– Ты только звони, – сказала Катя. – В любое время. Я приеду, если что. Ты же знаешь.

– Знаю, Кать. Спасибо.

– И береги себя. И кота. Он у тебя золото.

– Знаю.

Марина убрала телефон и посмотрела на переноску. Кот смотрел на неё сквозь решётку с выражением «ну что, приключение продолжается?».

– Продолжается, кот, – вздохнула она. – И, кажется, только начинается.

Она пошла дальше. В новый город. К новой жизни.
И впервые за три года ей не хотелось оглядываться.

P.S. Кот-философ, устроившись в гостиничном номере на подоконнике, долго смотрел на огни незнакомого города. . «Ну ничего, – подумал он. – Здесь тоже есть окна. И подоконники. И, надеюсь, рыба. А остальное приложится». Он зевнул и закрыл глаза. В конце концов, главное в жизни кота – чтобы его человек был рядом. А город можно пережить

Глава 3. День рождения без возраста

Часть 1. Утро, которое не стоило начинать

Марина проснулась оттого, что кто-то сверлил ей голову дрелью.

Нет, погодите. Дрель – это слишком мягко. Кто-то засунул ей в черепную коробку разъярённый пчелиный рой, добавил туда пару десятков гвоздей и заставил маленького гоблина бить молотком прямо по затылку.

– О-о-о-о, – простонала Марина, не открывая глаз. – Я умру. Я точно умру. Это конец.

Она попыталась пошевелить рукой. Рука послушалась, но где-то в плече что-то противно хрустнуло. Нога отозвалась тупой болью в колене. Язык во рту напоминал наждачную бумагу, которую дополнительно посыпали песком и залили клеем.

«Я никогда больше не буду пить, – подумала Марина. – Никогда. Даже шампанское. Даже безалкогольное пиво. Даже кефир».

Она попыталась вспомнить вчерашний вечер. Вспомина-

лось плохо. Обрывками, как старое порванное видео.

Вокзал в Нижнем… дождь… гостиница… она сидит на кровати и плачет… потом решает, что плакать надоело… потом решает, что надо идти развлекаться… потому что у неё день рождения, чёрт возьми, и она имеет право!

А дальше – провал.

Или не совсем провал? Какие-то цветные пятна, музыка, очень громкая музыка, и кто-то смотрит на неё…

Марина замерла.

Кто-то смотрит на неё.

Прямо сейчас.

Она медленно, очень медленно открыла один глаз.

Первое, что она увидела, – потолок. Чужой, белый, с какой-то странной люстрой которая точно не была в её гостиничном номере.

Марина повернула голову. Осторожно, чтобы не отвалилась.

Рядом с ней, на подушке, лежала мужская рука. Длинные пальцы, дорогие часы на запястье (она в таких не разбиралась, но выглядели они очень убедительно), лёгкая тёмная растительность.

«Кот бы сейчас сказал: „Ну и влипла ты, подруга". – подумала Марина. – И был бы прав».

Она проследила взглядом от руки выше. Плечо. Шея. Подбородок с лёгкой небритостью. Губы – чётко очерченные, спокойные даже во сне. Нос с горбинкой. И глаза.

Глаза были закрыты. Спасибо всем богам, глаза были закрыты.

Марина выдохнула, но тут же поняла, что выдыхать рано. Потому что если глаза закрыты, это значит только одно – мужчина спит. А когда он проснётся, они откроются. И тогда…

«И тогда что? – спросила она себя. – И тогда ты увидишь его глаза. И, судя по всему остальному, глаза у него должны быть офигительные».

Она осторожно приподнялась на локте, стараясь не потревожить кровать. Кровать, к счастью, не скрипела. Или она просто не слышала сквозь гул в голове.

Мужчина был красив.

Нет, не так. Он был КРАСИВ. С большой буквы «К», с курсивом, с золотым тиснением и подсветкой. Такая красота, от которой у нормальных женщин подкашиваются колени, а у ненормальных – открывается второе дыхание.

Лет тридцать пять, наверное. Тёмные волосы, чуть взъерошенные со сна, падали на лоб. Высокие скулы, которые в пору лепить скульпторам как эталон мужественности. Губы – не тонкие, не пухлые, а просто… правильные. Чёткая линия челюсти. Широкие плечи, прикрытые одеялом, но даже сквозь одеяло угадывалась фигура человека, который знает, где в этом городе находится тренажёрный зал.

Марина сглотнула. Во рту по-прежнему была пустыня Сахара, но теперь к ней добавилось лёгкое головокружение дру-

гого свойства.

«Я переспала с греческим богом, – подумала она. – Я, Марина Ветрова, серая мышь, помощник руководителя среднего звена, переспала с греческим богом. В свой день рождения. В чужом городе. Где меня, слава богу, никто не знает. Кроме кота. Который сейчас, наверное, сидит в гостинице и думает: „Ну и где моя рыба?"»

Она попыталась вспомнить детали. Как его зовут? Откуда он? Почему она вообще с ним?

Память выдавала только обрывки. Музыка. Бар. Коктейли. Очень много коктейлей. И этот взгляд – тяжёлый, внимательный, от которого по коже бежали мурашки, даже когда она была уже в стельку пьяна.

– Чёрт, чёрт, чёрт, – прошептала Марина, лихорадочно оглядываясь в поисках одежды.

Её вещи валялись по всей комнате. Платье – на кресле в углу. Туфли – одна под стулом, вторая вообще неизвестно где. Колготки… о боже, колготки висели на люстре. КАК ОНИ ТУДА ПОПАЛИ?

Марина закрыла лицо руками. Сквозь пальцы пробивался утренний свет, безжалостно высвечивающий все детали катастрофы.

– Я не буду об этом думать, – решила она. – Я просто встану, оденусь и уйду. Тихо, как мышь. Как очень тихая мышь с больной головой и колготками, оставшимися на люстре в качестве трофея.

Она осторожно откинула одеяло. Слава богу, на ней была какая-то мужская футболка. Огромная, явно не её. Значит, в какой-то момент он проявил благородство? Или она сама напялила? Память молчала как партизан.

Марина спустила ноги с кровати. Пол оказался холодным. Она сделала шаг к креслу с платьем. Второй шаг. Третий.

– Не вздумай упасть, – приказала она себе. – Если ты упадёшь, он проснётся, и тогда…

Что «тогда», она додумать не успела, потому что нога зацепилась за собственную же туфлю, и Марина, взмахнув руками, рухнула на пол с грохотом, достаточным, чтобы разбудить мёртвого.

– Ай! – выдохнула она, ловя ртом воздух. – Ай-ай-ай-ай…

– Жива? – раздалось с кровати.

Голос был низкий, спокойный, с лёгкой хрипотцой. И в этом голосе не было ни капли удивления. Как будто мужику каждое утро под ноги падали полупьяные женщины.

Марина замерла, сидя на полу в позе нашкодившей таксы. Медленно, очень медленно, она подняла голову.

Он смотрел на неё.

Глаза у него действительно оказались офигительные. Серые, почти стальные, с тёмной каймой по краю радужки. И эти глаза смотрели на неё с выражением, которое трудно было идентифицировать. То ли ирония, то ли любопытство, то ли привычка просыпаться с незнакомыми женщинами, у которых колготки висят на люстре.

– Жива, – выдавила Марина. – Кажется.

– Поздравляю, – сказал мужчина и откинулся на подушку. – А теперь, будь добра, объясни, почему ты пытаешься уйти, не попрощавшись.

– Я не пытаюсь… ну, то есть… – Марина попыталась встать, но ноги заплетались, а голова кружилась. – Я просто… мне пора.

– Куда?

– На… на работу, – ляпнула Марина первое, что пришло в голову.

Мужчина приподнял бровь. Одна бровь у него поднялась выше другой, и в этом было что-то убийственно ироничное.

– Сейчас шесть утра, – сообщил он. – Воскресенье. Ты в Нижнем Новгороде, где у тебя, судя по тому, что ты вчера рассказывала, нет ни работы, ни жилья, ни планов. Только красное платье и катастрофа в глазах.

Марина замерла. – Это.. Я… рассказывала?

– О да. – Мужчина сел на кровати. Одеяло сползло, открывая мощную грудную клетку, покрытую лёгкой тёмной порослью. Марина постаралась не смотреть, но глаза смотрели сами, предатели. – Ты рассказывала очень много. Часа три, если быть точным. Я теперь знаю всё о неком Максиме, его жене Виктории, трёх годах ожидания, Париже и о том, почему фирменных бланков жалко.

– О-о-о, – простонала Марина и снова села на пол. Теперь уже добровольно. – Я не хочу это слышать.

– А зря, – в голосе мужчины проскользнули смешливые нотки. – Это было познавательно. Я давно не проводил время так интересно.

– Вы издеваетесь?

– Немного. – Он посмотрел на неё. – Но не над тобой. Над ситуацией. Ты сама посмотри – красное платье, слёзы, побег в другой город, пьяные откровения. Это же готовый сценарий для фильма.

– Для фильма ужасов, – буркнула Марина.

– Для драмы с элементами комедии, – поправил он. – В любом случае, скучно не было.

Марина подняла на него глаза. Он смотрел на неё с лёгкой усмешкой, но во взгляде не было ни снисходительности, ни насмешки. Просто… интерес.

– И часто вы подбираете пьяных женщин в клубах? – спросила она.

– Статистика пока нулевая, – спокойно ответил он. – Ты первая. И, скорее всего, последняя. Слишком много мороки.

– Тогда зачем?

– Хороший вопрос. – Он чуть наклонил голову. – Наверное, потому что ты орала на входе про день рождения. И выглядела при этом так, будто готова либо убить кого-то, либо разрыдаться. Я люблю смотреть, чем заканчиваются такие истории.

– И чем они заканчиваются?

– Посмотрим.

Часть 2. Как всё начиналось
За двенадцать часов до этого

Марина стояла посреди номера в дешёвой гостинице и смотрела на себя в зеркало.

Кот сидел на подоконнике и наблюдал за сборами с выражением, которое она выучила за три года: «Опять ты за своё?»

– Не смотри на меня так, – буркнула Марина. – Я имею право.

Кот фыркнул. «Право ты имеешь. А вот здравый смысл – не уверен».

– Я иду в клуб. Буду пить. Танцевать. Веселиться. – Она говорила это скорее себе, чем коту. – Потому что у меня день рождения. Потому что я заслужила. Потому что…

Она замолчала. Потому что внутри было пусто.

Кот вздохнул и отвернулся к окну. Его дело – наблюдать, а не комментировать. Хотя комментировать хотелось.

Из зеркала на Марину смотрела женщина с опухшими от слёз глазами, растрёпанными волосами и выражением лица человека, который только что похоронил все надежды.У тебя день рождения, – сказала она себе. – Тебе двадцать девять. Ты только что уволилась с работы, уехала в другой город,

бросила квартиру, друзей и три года жизни. Это достойно празднования. Или запития. Что одно и то же.

Она порылась в сумке и достала красное платье. То самое. Которое покупала для Максима. Которое так и планировала надеть на день рожденья.

– Плевать, – решила Марина. – Он его не увидит. А кто-нибудь другой увидит. Например, весь Нижний Новгород.

Она накрасилась. Ярко, как никогда в жизни. Волосы распустила, взбила.

Кот с подоконника одобрительно кивнул. «Красное тебе идёт. Хотя ты и без красного ничего. Но ….».

– Ты что-то сказал? – спросила Марина, оборачиваясь.

Кот промолчал. Котам не обязательно говорить вслух, чтобы быть услышанными.

Из зеркала смотрела совсем другая женщина. Не серая мышь, не помощница с заниженной самооценкой. А та, кем Марина могла бы быть.

– Пошли они все, – сказала она своему отражению. – Сегодня я буду жить.

Кот на подоконнике одобрительно кивнул. «Хоть что-то».

– Ты со мной? – спросила Марина.

Кот посмотрел на неё с выражением «Я? В клуб? Ты серьёзно? Там же музыка громкая, люди пьяные, а главное – никакой сырой рыбы. Спасибо, я лучше посплю».

– Ладно, – вздохнула Марина. – Сиди тут. Я скоро вернусь. Наверное.

Кот фыркнул. «Наверное – это не точно. Но я подожду. Куда я денусь».

Выходя из гостиницы, она столкнулась с администратором.

– Девушка, а вы куда на ночь глядя? – спросила та.

– На день рождения, – ответила Марина. – К себе.

– Одна?

– С собой.

Женщина покачала головой. Кот бы сейчас сказал то же самое. Но кота не было. Он остался в номере досматривать сны и ждать рыбу.

Марина вышла на улицу. Город шумел, дышал, жил своей жизнью.

– Клуб, – решила она. – Мне нужен клуб.

Она достала телефон. Навигатор услужливо предложил три варианта. Марина ткнула в первый – «Бункер».

До клуба пришлось ехать на такси. Водитель всю дорогу рассказывал про дочку, которая тоже «того, с мужиками не везёт». Марина кивала, не слушая.

«Бункер» находился в цокольном этаже старого здания. Вход охраняли два амбала в чёрном, которые смерили Марину взглядом, но пропустили. Красное платье сработало как пропуск.

Внутри было темно, громко и дымно. Марина прошла к бару.

– Двойной виски, – сказала она бармену. – Или что там у

вас самое крепкое?

Бармен усмехнулся:– Сложный день?

– Год. Три года. В общем, наливай.

Она выпила первый бокал залпом. Заказала второй. Алкоголь не брал, лишь слегка затуманил сознание.

Потом официант принёс какой-то розовый коктейль со словами: «От мужчины за столиком у стены».

Марина обернулась.

Он сидел в углу, в полумраке, и смотрел на неё.

Часть 3. Знакомство

Он подошёл сам. Просто появился рядом, сел на соседний барный стул и заказал себе виски. Молча. Не глядя на неё.

– Спасибо за коктейль, – выдавила Марина.

– Пожалуйста, – ответил он, не оборачиваясь.

– Вы всегда покупаете коктейли незнакомым женщинам?

– Только тем, кто громче всех орёт на входе про свой день рождения. – Он наконец повернулся и посмотрел на неё. Вблизи глаза оказались ещё более опасными. Серые, холодные, с хитринкой. – «Мне двадцать девять, и я свободна!» – процитировал он. – Охрана до сих пор в шоке.

Марина покраснела. – А вы всегда такой… приятный в общении?

– Только когда встречаю интересных людей, – он чуть улыбнулся. – А ты интересная. В красном платье, с опухшими глазами и с таким количеством энергии, что ею можно город обогревать.

Марина хотела обидеться, но почему-то не смогла. – Хотите послушать мою историю? – спросила она.

– Нет, – ответил он. – Но чувствую, что всё равно послушаю. Давай, выкладывай. Только подожди. Слишком шумно.

Он подозвал бармена.

– Сделай музыку тише, – коротко бросил он. – И ей – ещё один розовый. Только поменьше алкоголя, а то она сейчас свалится.

Бармен кивнул и исчез. Музыка действительно стала тише.

– Вы тут король? – удивилась Марина.

– Нет, – он покачал головой. – Просто умею платить.

– Его зовут Максим, – выпалила Марина, и слова потекли сами. – Три года я ждала, что он бросит жену. Три года! А он купил билеты в Париж. Для них двоих. На мой день рождения.

– Классика, – кивнул он. – На каком месте он обещал развестись? На втором годе или на третьем?

– На всех сразу.

– Профессионал.

– Вы издеваетесь?

– Немного. – Он посмотрел на неё. – Но не над тобой. Над

ситуацией. Ты правда думала, что он уйдёт?

Марина замерла.

– Думала… – выдохнула она.

– Зря, – спокойно сказал он. – Такие не уходят. Такие меняют любовниц, как сим-карты.

– А вы откуда знаете?

– Я мужик. Мы друг друга чуем.

Марина допила коктейль. Голова кружилась, но стало легче.

– А почему вы всё время молчите? – спросила она. – Я тут изливаю душу, а вы сидите как каменный.

– Потому что ты не спрашивала, – ответил он. – Ты хотела выговориться. Я дал.

– И что, вам не скучно?

– Нет. – Он посмотрел на неё. – Ты не скучная. Ты похожа на человека, который только что сжёг мосты и теперь стоит на пепелище с коктейлем в руке.

– Вы поэтому со мной разговариваете?

– Я поэтому с тобой сижу, – поправил он. – Разговаривать я вообще не люблю.

– А что любите?

– Молчать. Желательно с кем-то, с кем не надо объяснять, почему молчишь.

Марина смотрела на него и чувствовала странное спокойствие.

– Знаете, вы… – начала она.

– Я знаю, – перебил он. – Лучше скажи, что будешь делать дальше. Без работы, без денег с красным платьем и тремя годами жизни, которые никто не вернёт.

– Понятия не имею, – честно ответила Марина.

– Уже хорошо, – кивнул он. – Когда человек не имеет понятия, он открыт для вариантов.

– А вы всегда такой оптимист?

– Я реалист. Оптимистом быть дорого.

Марина рассмеялась. Неожиданно для себя. Громко, искренне.

– Вы чокнутый, – сказала она.

– Возможно. – Он встал и протянул руку. – Идём?

– Куда?

– Ко мне. Поспишь на диване. Или на кровати. Или где захочешь.

Марина замерла. Сердце забилось быстрее. В голове пронеслось: «он маньяк», «ты пьяная дура», «ты же ничего о нём не знаешь». И тут же – «три года ты ждала принца, а дождалась козла. Может, хватит ждать? Может, просто побыть с собой? Или с ним?»

Она смотрела на его протянутую руку. Три года назад она точно так же взяла за руку Максима. И чем это кончилось? Но этот… этот другой. Или ей только кажется?

– А если вы маньяк? – спросила она.

– Если бы я был маньяком, я бы выбрал жертву потише, – усмехнулся он. – Ты слишком громкая. И слишком пьяная.

Много мороки.

– Это должно меня успокоить?

– Это единственная гарантия, которую я могу дать.

Марина смотрела на него. На его глаза. На его руку. И вдруг поняла, что ей всё равно. Пусть даже маньяк. После трёх лет ожидания любая альтернатива лучше пустоты.

– Ладно, – сказала она и взяла его за руку. – Пошли.

Часть 4. В гостях у хищника

Квартира оказалась огромной. Панорамные окна, Волга в огнях, дизайнерский ремонт.

– Ничего себе, – выдохнула она. – Вы тут живёте?

– Иногда, – ответил он, бросая ключи на тумбу. – Когда не сбегаю на работу. Вода, чай, кофе?

– Вода, – попросила Марина. – И таблетку от головы на завтра.

Он усмехнулся, скрылся на кухне и вернулся с бокалом и аптечкой.

– Держи.

Марина стояла у окна, заворожённая видом.

– Нравится? – спросил он, подходя сзади.

– У меня в Москве окна выходили на помойку, – сказала она, не оборачиваясь. – Три года я смотрела на помойку и

ждала принца.

– Дождалась?

– Дождалась козла, который думал, что он принц.

– Бывает, – кивнул он. – Помойка хотя бы не обманывает.

Марина обернулась. Он стоял близко. Пахло сандалом, деревом и чем-то неуловимо опасным.

– Расскажите о себе, – попросила она.

– Скучно, – отрезал он.

– Мне не скучно.

– Ну, – он чуть наклонил голову. – Александр. Тридцать пять. Бизнес. Один. В клубе потому, что дома тоже один. Всё.

– Мало.

– Достаточно для первого раза.

– А почему разведён?

Он посмотрел на неё долгим взглядом.

– Потому что она меня предала. С моим партнёром по бизнесу.

– Извини, – Марина отвела глаза. – Я не хотела лезть.

– Ничего. – Он взял её за подбородок и повернул к себе. – Ты имеешь право спрашивать.

Она смотрела в его глаза. В них было что-то тёмное, что-то, что он прятал. И вдруг он убрал руку и усмехнулся – но усмешка вышла кривой, почти злой.

– Только не думай, что я тут буду тебе жилетку подставлять, – сказал он. – Историй про бывших я наслушался на

три дня вперёд. Мои проблемы – не твоя забота.

Марина отшатнулась.

– Я и не собиралась…

– Собиралась. – Он отошёл к окну. – Все собираются. Сначала жалеют, потом лезут в душу, потом предают. Я это проходил.

– Я не она.

– Правда? – Он обернулся. В глазах мелькнуло что-то жёсткое. – Откуда мне знать?

Марина молчала. Она чувствовала, как между ними вырастает стена. Такая же, как та, стеклянная, через которую она слышала разговор Максима.

– Знаешь что, – сказала она тихо. – Ты прав. Я тебя не знаю. И ты меня не знаешь. Я, наверное, пойду.

Она направилась к двери.

– Стой, – раздалось сзади.

Она обернулась. Он стоял у окна, и впервые в его лице не было ни иронии, ни насмешки. Только усталость.

– Извини, – сказал он. – Я перегнул.

– Перегнул, – согласилась она.

– Останься. Пожалуйста.

Это «пожалуйста» прозвучало так неожиданно, что Марина замерла.

– Диван всё ещё свободен? – спросила она.

– Свободен.

– Тогда останусь.

Она вернулась к окну. Они стояли рядом, глядя на огни города.

– Знаешь, – сказала она. – Ты не обязан мне доверять. Я не обязана тебе верить. Но мы можем просто… помолчать. Ты же любишь молчать.

Он посмотрел на неё. Долго. Потом кивнул.

– Могу.

– Вот и хорошо.

Они молчали. И в этом молчании было что-то правильное.

Часть 5. Искры

Тишина затягивалась, но не была неловкой. Скорее – уютной. Как будто они знали друг друга давно и могли позволить себе просто быть рядом, не заполняя пустоту словами.

Марина смотрела на огни города и думала о том, что всего сутки назад она сидела в автобусе, уезжая из Москвы, и понятия не имела, что окажется здесь. В квартире с видом на Волгу. Рядом с незнакомцем, который…

– О чём думаешь? – спросил он тихо.

– О том, что кот бы сейчас надо мной посмеялся, – честно ответила Марина.

– Кот?

– Философ. Остался в гостинице. Думает, наверное, что я

окончательно сошла с ума.

– А ты сошла?

– Наверное. – Она повернулась к нему. – Но знаешь… мне почему-то не страшно.

Он смотрел на неё долгим взглядом. В полумраке комнаты его глаза казались почти чёрными, но в глубине горел тот самый огонь, который она заметила ещё в клубе.

– А мне страшно, – вдруг сказал он.

– Ты? – удивилась Марина. – Ты похож на человека, который вообще ничего не боится.

– Это маска, – усмехнулся он. – Под ней – обычный трус, который боится доверять, боится привязываться, боится, что его снова предадут.

– И зачем ты это говоришь мне?

– Не знаю. – Он пожал плечами. – Может, потому что ты первая за пять лет, кому я вообще что-то о себе рассказываю.

Марина молчала. Она чувствовала, как между ними исчезает последнее расстояние.

– Александр… – начала она.

– Воронцов, – перебил он, но без прежней жёсткости. – Просто Воронцов. Так меня никто не называл, кроме отца. А после его смерти… это имя стало напоминанием.

– О чём?

– О том, что я должен сделать. – Он отвернулся к окну. – Но это уже мои проблемы. Не твои.

– А если я хочу, тебе помочь?

Он резко повернулся.

– Зачем?

– Не знаю. – Марина пожала плечами. – Может, потому что ты первый человек за три года, с которым мне не нужно притворяться. Ты уже знаешь обо мне всё самое позорное. Дальше хуже не будет.

Он смотрел на неё так, будто видел впервые.

Воздух между ними стал плотным, почти осязаемым. Марина чувствовала, как сердце начинает биться быстрее – не от страха, а от предвкушения. Она смотрела на него и видела, как меняется его лицо – уходит ирония, уходит защита, остаётся только…

Он шагнул ближе.

Она не отступила.

Ещё шаг. Теперь между ними не было расстояния – только дыхание, только тепло, только этот момент, который мог изменить всё.

– Марина, – сказал он тихо. Голос его звучал хрипло, почти просяще. – Если ты сейчас уйдёшь, я пойму. Если останешься – я не обещаю, что всё будет просто.

– А кто обещал, что будет просто? – прошептала она.

Он усмехнулся – но в этой усмешке не было прежней насмешки. Только… нежность? Удивление? Что-то, чему она ещё не знала названия.

Он поднял руку и коснулся её лица. Медленно, почти благоговейно, будто боялся, что она исчезнет.

– Ты действительно не такая, как все, – прошептал он.

– Это комплимент?

– Это факт.

И он поцеловал её.

Часть 6. Страсть

Этот поцелуй не был похож ни на что, что Марина испытывала раньше. Максим целовал её всегда как-то… торопливо, будто крал поцелуй, боясь, что кто-то застанет. Аккуратно, чтобы не оставить следов. С оглядкой.

Воронцов целовал иначе. Собрано, властно, полностью, без остатка. Его губы были твёрдыми, но не жёсткими. Его руки легли ей на талию и притянули к себе так, что между ними не осталось воздуха.

Марина задохнулась. И нырнула в этот поцелуй с головой.

– Ты дрожишь, – прошептал он, отрываясь на секунду.

– Холодно, – соврала она.

– Врёшь, – он усмехнулся. – Но мне нравится, как ты это делаешь.Он подхватил её на руки – легко, будто она ничего не весила. Марина обхватила его за шею, чувствуя под пальцами тепло его кожи, биение пульса – такое же частое, как у неё самой.

– Куда? – спросила она.

– Туда, где ты не замёрзнешь.

Он нёс её через комнату, и Марина смотрела на него снизу вверх. Жёсткая линия челюсти, тёмные глаза, которые в полумраке казались почти чёрными, чуть заметная улыбка. Опасный. Красивый. Чужой.

И почему-то родной.

Спальня оказалась такой же огромной, как гостиная. Минимум мебели, огромная кровать, панорамное окно во всю стену. За ним – огни ночного города, отражающиеся в воде.

Воронцов опустил её на кровать и навис сверху, опираясь на локти.

– Скажи, если захочешь остановиться, – сказал он. – В любой момент.

– А ты сможешь остановиться?

– Смогу, – ответил он. – Но не обещаю, что мне понравится.

– Мне тоже не понравится, – выдохнула Марина.

Он усмехнулся.

– Тогда договорились.

Он целовал её долго. Медленно. Губы, шея, ключица. Каждое прикосновение – как удар тока. Марина выгибалась под ним, царапала его спину, шептала что-то бессвязное.

Платье исчезло – она даже не заметила, когда он успел расстегнуть молнию. Его руки скользили по её телу, изучая, запоминая, даря наслаждение.

– Какая ты… – прошептал он, отрываясь. – Ты вообще

знаешь, какая ты?

– Какая?

– Живая. Настоящая. Тёплая. – Он целовал её плечо, ямочку за ухом, от которой по телу бежали мурашки. – Не как эти…

Он не договорил. Она и не просила.

Когда он вошёл в неё, Марина закричала. Не от боли – от нахлынувшего чувства. От того, что внутри разорвалась какая-то плотина, которую она строила много лет. От того, что впервые за долгое время она чувствовала себя не игрушкой, не тайной, не воскресным вариантом – а желанной. Нужной. Живой.

Он двигался медленно, потом быстрее, потом снова медленно. Смотрел ей в глаза, не отрываясь. И в этом взгляде было столько всего, что у Марины перехватывало дыхание.

– Воронцов… – прошептала она.

– Просто Воронцов, – усмехнулся он, не останавливаясь.

– Воронцов, – повторила она. – Ты… ты невероятный.

– Я знаю.

Она рассмеялась сквозь стон. И в этот момент всё исчезло – остались только он, она и этот ритм, который они задавали вместе. Мир за окном перестал существовать. Огни города, Волга, прошлое, будущее – всё растворилось в темноте спальни.

Оргазм накрыл её волной, неожиданно мощной, смывающей всё на своём пути. Марина выгнулась, вцепившись в его

спину, чувствуя, как он напрягается следом.

А потом была тишина. Только их дыхание, гулкое, частое, и стук сердца, который, казалось, слышен на всю квартиру.

Он не убрал руки. Не отодвинулся. Просто лежал рядом, прижимая её к себе, и гладил по волосам.

– Ты удивительная, – сказал он тихо.

– Я пьяная, – ответила Марина.

– И это тоже. Но не только.

– Ты тоже удивительный.

– Я знаю. – Он усмехнулся. – Спокойной ночи, Марина.

– Спокойной ночи, Воронцов.

Она закрыла глаза и провалилась в сон, тёплый и глубокий, как Волга за окном.

Часть 7. Ночь. Глазами Воронцова

Она спала.

Воронцов лежал рядом и смотрел на неё. В темноте её лицо казалось беззащитным, почти детским. Ресницы дрожали, губы чуть приоткрыты, волосы разметались по подушке.

«Что ты со мной делаешь?» – подумал он.

Он не должен был к ней прикасаться. Не должен был привозить её сюда. Не должен был целовать, раздевать, сходить с ума. Она была просто случайной знакомой, пьяной девуш-

кой в красном платье, которую он подобрал в клубе из чистого любопытства.

А теперь она лежала в его постели, и он не хотел, чтобы она уходила.

Он осторожно коснулся её щеки. Она вздохнула во сне и прижалась к нему теснее.

– Кто ты такая? – прошептал он.

Она не ответила. Спала.

А он всё смотрел и смотрел, чувствуя, как внутри тает то, что он так долго выстраивал вокруг себя – стена, броня, защита от всего живого.

Пять лет. Пять лет он никого не подпускал близко. После того, что сделала Кристина, он поклялся себе, что больше никогда не позволит ни одной женщине разрушить его. Контроль. Только контроль. Никаких чувств, никакой привязанности, никаких «я не могу без тебя».

И вот – она. Пьяная, нелепая, с колготками на люстре и болью в глазах, которой хватило бы на целый город. Она ворвалась в его жизнь, даже не пытаясь понравиться, не пытаясь впечатлить. Она просто была собой – уставшей, сломленной, но не сдавшейся.

И это было страшнее всего.

Потому что с ней не работала защита. С ней хотелось не контролировать, а… заботиться? Смеяться? Молчать рядом?

«Чёрт, – подумал он. – Кажется, я пропал».

Он вспомнил, как она рассказывала про своего Максима. Как в её глазах плескалась боль, смешанная с ненавистью и чем-то ещё – то ли любовью, то ли привычкой. Она была похожа на него самого пять лет назад. Только она не ожесточилась. Не закрылась. Ушла, но не сломалась.

– Ты сильнее, чем думаешь, – прошептал он. – Сильнее, чем я.

Она пошевелилась во сне, что-то пробормотала и уткнулась носом ему в плечо.

Воронцов закрыл глаза.

Утром она уйдёт. И, наверное, это к лучшему. Ему нельзя привязываться. Ему нельзя доверять. Ему нельзя…

Он не договорил даже мысленно. Потому что знал – уже можно. Уже поздно. Уже всё.

– Чёрт, – выдохнул он ещё раз. – Чёрт, чёрт, чёрт.

Часть 8. Утро и побег

А потом наступило утро. С дрелью в голове, колготками на люстре и греческим богом в кровати.

– Так, – сказала Марина, сидя на полу и глядя на него снизу вверх. – Давай проясним ситуацию.

– Давай, – Александр даже не думал вставать. Лежал на подушке, заложив руки за голову, и смотрел на неё с лени-

вым интересом. – Я слушаю.

– Я вчера… мы…

– Да, – кивнул он. – Всё именно так, как ты думаешь.

– Я была пьяна.

– Была.

– Я ничего не помню.

– Это неправда, – спокойно сказал он. – Ты помнишь всё. Просто тебе страшно.

Марина замерла. – Откуда ты…

– Я же говорю, – перебил он. – Я наблюдательный. Ты помнишь, как мы встретились, как говорили, как ты плакала, как смеялась. И ночь ты помнишь. Потому что она была… хорошей.

Марина покраснела. Потому что он был прав. Она помнила. Всё. Каждое прикосновение, каждое слово, каждый взгляд.

– Это ничего не меняет, – упрямо сказала она.

– Конечно, не меняет. – Он сел на кровати. – Но и не делает тебя плохой. Ты взрослая женщина. Провела ночь с мужчиной. Это нормально.

– Я не сплю с незнакомцами!

– А сегодня переспала. – Он усмехнулся. – Поздравляю с расширением кругозора.

Марина смотрела на него и не знала, что думать. С одной стороны, хотелось провалиться сквозь землю. С другой – внутри разливалось тепло от воспоминаний.

– Мне пора, – сказала она, поднимаясь с пола. – Правда. Спасибо за… ну, за всё.

– Подожди. – Он встал, натянул джинсы и подошёл к ней. Близко. Слишком близко. – Дай хотя бы кофе тебе сделать.

– Не надо. Я не хочу.

– Марина.

Она остановилась, уже схватив платье.

– Что?

– Ты ничего не хочешь спросить? Номер телефона, например? Или кто я такой? Или где мы?

– Я… – она замялась. – А надо?

– Не знаю, – он пожал плечами. – Решать тебе. Я не настаиваю. Просто обычно люди, которые проводят ночь вместе, обмениваются контактами. На всякий случай.

– На какой случай?

– Ну, вдруг ты захочешь повторить.

Марина почувствовала, как краснеет снова. – Я подумаю, – буркнула она, натягивая платье.

Она метнулась к двери, на ходу застёгивая молнию. В прихожей надела туфли (одну нашла под стулом, вторую – у входа), схватила сумку, плащ и вылетела в коридор.

– Эй! – крикнул он вдогонку.

Марина обернулась. Он стоял в дверях квартиры – босиком, в одних джинсах, с взъерошенными волосами и той самой улыбкой, от которой у неё подкашивались колени.

– С днём рождения, – сказал он. – Пусть этот год будет

лучше предыдущего.

Марина хотела ответить, но не смогла. Просто кивнула и побежала к лифту.

Часть 9. Послевкусие

На улице моросил дождь. Такой же, как вчера. Марина шла по незнакомым улицам, не разбирая дороги.

– Я переспала с незнакомцем, – бормотала она себе под нос. – В свой день рождения. В чужом городе. Я сошла с ума.

Но где-то глубоко внутри пел маленький голосок: «Зато это было круто».

И правда, было круто. Он был жёстким, но не грубым. Внимательным, но не навязчивым. Он слушал её, слышал, понимал. А потом чуть не разрушил всё своей резкостью. И это было… человечно. Он не идеальный. Он тоже сломанный.

«Кот бы сейчас надо мной посмеялся, – подумала Марина. – «Я же тебя предупреждал», – сказал бы он. И был бы прав».

– И что теперь? – спросила она себя. – Искать его? Звонить? А как звонить, если я даже номера не взяла?

Она остановилась посреди улицы и замерла.

– Я даже имени его толком не знаю! Александр… или Воронцов… или просто «мужчина из клуба». Гениально, Ма-

рина. Ты просто гений дедукции.

Она засмеялась. Прямо посреди улицы, под дождём, с больной головой и спутанными мыслями.

Потом достала телефон и набрала Катю.

– Алло? – сонный голос подруги. – Рина? Ты где? Ты чего в такую рань?

– Кать, – выдохнула Марина. – Я переспала с греческим богом.

– Чего-о-о?

– Я переспала с греческим богом! В свой день рождения! И сбежала утром, не спросив номера!

– Ты… ты пьяная? – осторожно спросила Катя.

– Была. Теперь уже нет. Теперь я просто сумасшедшая.

– Рина, ты меня пугаешь. Рассказывай по порядку.

И Марина рассказала. Всё. Про клуб, про розовые коктейли, про разговор, про ночь, про утро, про побег.

Катя молчала минуты две. Потом сказала:

– Ты идиотка.

– Знаю.

– Счастливая идиотка.

– Что?

– Рина, ты только что сделала то, о чём мечтают миллионы женщин. Ты переспала с красивым мужиком, получила удовольствие и сбежала. Это же мечта! Никаких обязательств, никаких ожиданий.

Марина задумалась.

– А ведь правда, – медленно сказала она. – Я не влюбилась.

– И слава богу! – воскликнула Катя. – Тебе сейчас влюбляться нельзя. Тебе надо жить. Работу искать. Себя искать.

– А если я его больше никогда не увижу?

– И что? – удивилась Катя. – У вас была одна ночь. Красивая, но одна. Это не повод строить планы.

– Ты права, – вздохнула Марина. – Ты, как всегда, права.

– Я всегда права, – согласилась Катя. – А теперь иди в гостиницу, прими душ, выпей рассола и ложись спать. А завтра начнём новую жизнь.

– Хорошо, – улыбнулась Марина. – Спасибо, Кать.

– Не за что. И, Рина?

– Да?

– С днём рождения. Пусть этот год будет самым офигенным в твоей жизни.

Марина убрала телефон и посмотрела на небо. Дождь почти перестал, сквозь тучи пробивалось солнце.

– С днём рождения меня, – сказала она вслух. – С новым годом жизни.

И пошла в гостиницу.

Часть 10. Возвращение

Она влетела в номер, мокрая, уставшая, но странно счастливая.

Кот сидел на подоконнике и смотрел на неё с выражением, которое она выучила за это время. Оно означало: «Ну и где тебя носило? И где моя рыба?»

– Кот, – выдохнула Марина, падая на кровать. – Ты не поверишь. Кот фыркнул. «Поверю. Я вообще много чему верю. Например, в то, что рыба должна появляться по расписанию».

– Я переспала с мужчиной.

Кот поднял бровь. «Наконец-то. А то я уж думал, ты только на подушке с запахом умеешь спать».

– Он красивый. Богатый. Загадочный.

Кот зевнул. «Богатые тоже какают».

– Кот! – возмутилась Марина. – Ты невыносим.

Кот усмехнулся и отвернулся к окну. «Я философ. Философам положено быть невыносимыми».

– Он сказал, что я сильная. Потому что ушла, а не осталась ждать.

Кот посмотрел на неё долгим взглядом. «А ты и правда сильная. Только почему-то об этом забываешь, когда дело касается мужиков».

– Я не забываю, – возразила Марина.

– Ага, – фыркнул кот. – Поэтому три года ждала этого козла?

– Кот!

– Молчу-молчу. – Кот отвернулся к окну. – Но ты хотя бы начала что-то делать. Это прогресс.

Марина рассмеялась, подошла к нему и почесала за ухом.

– Я скучала, – сказала она. – Даже если ты меня бесишь.

Кот довольно зажмурился. «Скучала она. Рыбу принесла?»

– Нет, – честно призналась Марина. – Завтра куплю.

Кот вздохнул. «Ладно. Так и быть, прощаю. В конце концов, даже у философов бывают слабости. Например, к людям, которые чешут за ухом».

– И к рыбе, – добавила Марина.

– И к рыбе, – согласился кот.

Она забралась на кровать, кот устроился рядом. За окном шумел незнакомый город, а в груди разливалось странное, почти забытое чувство.

– Кот, – сказала Марина. – А вдруг я его больше никогда не увижу?

Кот посмотрел на неё с выражением, которое трудно было перепутать: «Если суждено – увидишь. Если нет – значит, не судьба. А пока – спи. Завтра новый день».

– Ты прав, – вздохнула Марина. – Как всегда.

Кот довольно замурчал.

Она не знала, что через несколько дней судьба снова сведёт её с этим мужчиной. И что их встреча перевернёт всё.

Но это уже совсем другая история.

P.S. Колготки так и остались висеть на люстре. Марина надеялась, что он оценит этот художественный беспорядок как сувенир на память. А если нет – ну что же, значит, не судьба.

Кот, узнав об этом, только покачал головой: «Колготки на люстре. Это сильно. Даже я до такого не додумался». И потребовал рыбу.

Глава 4. Сделка с дьяволом

Часть 1. Две недели спустя, или Как я училась жить заново

Две недели.

Четырнадцать дней.

Триста тридцать шесть часов, если считать с того утра, когда я сбежала из квартиры греческого бога, оставив ему на память на люстре свои колготки.

За это время я успела: а) снять крошечную квартирку на окраине Нижнего (спасибо матери, которая одолжила денег на первый взнос), б) разобрать сумку и разложить вещи (три свитера, двое джинсов, красное платье-провокатор и бельё, которое куда-то исчезает – надо пересчитать), в) обойти пятнадцать компаний с резюме и г) понять, что найти работу в чужом городе без связей и рекомендаций – это примерно как выиграть в лотерею, только лотерейный билет стоит твоих нервов и последних денег.

– Две недели, – сказала я своему отражению в зеркале дешёвого шкафа-купе. – Ты безработная уже две недели. Твой личный рекорд по безделью побит.

Отражение смотрело с сочувствием. Под глазами залегли тени, которых не было в Москве. Зато появилась новая морщинка на лбу – от постоянного хмурого выражения лица.

– Ты похудела, – сообщило отражение. – Или это свет так падает?

– Это я экономлю на еде, – огрызнулась я. – Денег нет. Работы нет. Перспектив нет. Зато есть долг маме, триста рублей на карте и воспоминания о греческом боге, которые никак не хотят уходить.

Вот это было самое обидное.

Я старалась забыть ту ночь. Честно старалась. Я заставляла себя думать о работе, о деньгах, о том, где брать еду. Я перебирала в голове все свои ошибки, все «надо было» и «могла бы». Я прокручивала на повторе сцену увольнения и слова Максима, чтобы злость и обида перекрыли всё остальное.

Но стоило мне закрыть глаза – и я снова видела эти серые глаза с тёмной каймой. Слышала низкий голос: «Ты удивительная». Чувствовала его руки, его губы, его дыхание…

– Прекрати! – рявкнула я на себя. – Он – случайность. Ошибка. Коктельный мираж. Его не существует. Даже если существует, ты никогда его больше не увидишь. Так что выкинь из головы и займись делом.

Отражение согласно кивнуло.

Я натянула единственный приличный костюм – тёмно-синий, купленный ещё в Москве для важных встреч, – и отправилась на очередное собеседование.

Часть 2. Охота на работу, или как я прошла 15 кругов ада

Креативное агентство "Полёт".

Офис находился в подвале бывшего хлебозавода. Вместо таблички – граффити с единорогом. Вместо секретаря – девушка в пижаме с чашкой матчи.

– Вы к нам? – спросила она, даже не поднимая головы от ноутбука. – Подождите, у нас сейчас дейли-митинг.

Я ждала 40 минут. Потом меня завели в комнату с разноцветными пуфами. За столом сидели трое: парень в шапке-ушанке (на улице был июль), девушка с розовыми волосами и мужчина в очках без стёкол.

– Расскажите о себе, – сказал "ушанка". – Только креативно. Без скуки.

– Ну… – начала я. – Я Марина. Люблю котов. Умею варить кофе.

– Скучно, – перебила розововолосая. – Вы можете спеть? Или станцевать? Мы ищем человека, который мыслит вне рамок.

– Я лучше сварю кофе, – честно ответила я.

– Жаль, – вздохнул "очки без стёкол".

Я вежливо улыбнулась и ушла. На выходе пижамная де-

вушка крикнула: "Заявку рассмотрим!".

Кот вечером спросил: – Ну как?

– Они хотели, чтобы я пела.

– И что ты спела?

– Я ушла.

Кот одобрительно кивнул: "Правильно. Певцов много, а ты у нас одна". Следующее собеседование было в солидном месте. Высотка, охрана, пропуска, три лифта. Я надела единственный приличный костюм и туфли, в которых больно было даже стоять.

В холле меня встретила женщина-танк. Таких обычно рисуют в карикатурах на злых секретарш.

– Анкета, резюме, паспортные данные, СНИЛС, ИНН, справка от психиатра, – отчеканила она.

– Справка от психиатра? – переспросила я. – Я думала, это для работы с оружием.

– А у нас все с оружием, – мрачно пошутила женщина-танк. Или не пошутила. Я так и не поняла.

Через час меня позвали. В кабинете сидел мужчина с лицом, которое не выражало ничего. Вообще ничего. Как будто его эмоции ушли в отпуск и забыли вернуться.

– Садитесь, – сказал он. – Почему вы хотите у нас работать?

– Мне нужна стабильность, – начала я заученную речь. – Интересные задачи, профессиональный рост…

– Скучно, – перебил он. – Вы можете быть страстной?

– В смысле? – опешила я.

– Страстной. Гореть. Пылать. Жить работой. У нас так принято.

Я посмотрела на него. Он не горел. Он даже не тлел. Он выглядел как человек, который в последний раз испытывал страсть, когда выбирал обои в прихожую.

– Я… наверное, могу, – неуверенно сказала я. – Если работа интересная.

– Работа скучная, – честно признался он. – Бумажки. Отчёты. Но гореть надо. Это корпоративная культура.

Я представила, как горю над бумажками. Буквально. С факелом.

– Я подумаю, – сказала я и вышла.

На улице сняла туфли и пошла босиком.

Кот дома спросил: – Ну?

– Они хотели, чтобы я горела.

– В каком смысле?

В прямом. Страстью к бумажкам. Кот задумался. Потом сказал: "Я бы на твоём месте не горел. Квартира не наша, съемная

Новое собеседование я нашла на каком-то сомнительном сайте. "Набор в международную команду! Доход от 500 тысяч! Работа из дома!"

Я пришла по адресу. Обычная квартира в спальном районе. Дверь открыл улыбчивый парень в дешёвом костюме.

– Марина! Заходи! У нас тут всё по-семейному!

Внутри сидело человек двадцать. На стульях, табуретках, подоконниках. Все улыбались. Слишком широко. Как будто им только что сказали, что раздали бесплатное мороженое.

– Садись, не стесняйся! – парень пододвинул мне пластиковый стул. – Сейчас будет спикер. Он сделал первый миллион в 25 лет!

Вышел "спикер". Выглядел он на 40 с хвостиком, но улыбался так же широко.

– Друзья! – начал он. – Вы здесь, потому что хотите жить лучше! Я научу вас! Всего за 10 тысяч рублей вы получите доступ к закрытым знаниям!

Я оглянулась. Люди кивали. Кто-то уже доставал деньги.

– А что нужно делать? – спросила я.

– Продавать! – радостно ответил спикер. – Продавать наши продукты! Себе, маме, соседям! Каждый может!

– А продукты какие?

– Лучшие! – он не ответил на вопрос. – Кремы, биодобавки, чудо-бады! Всё натуральное!

Я представила, как продаю чудо-бады маме. Мама бы меня убила. Потом воскресила и убила снова.

– Мне надо подумать, – сказала я и пошла к выходу.

– Вернёшься! – крикнул вслед парень. – Все возвращаются!

Кот встретил меня вопросом: – Ну? 500 тысяч?

– Там надо было купить чудо-бады за 10 тысяч и продать их маме.

– И сколько мам нужно продать, чтобы заработать 500 тысяч?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.